На правах рукописи

Каграманов Азер Каграман оглы

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И НАЦИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Специальность 5.1.5 — международно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Москва — 2026

Диссертация выполнена на кафедре международного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)».

Научный консультант	доктор юридических наук, профессор **Ануфриева Людмила Петровна**
Официальные оппоненты:	**Капустин Анатолий Яковлевич,** доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий центром международного права и сравнительно-правовых исследований ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»; **Исполинов Алексей Станиславович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права ФГБОУ «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»; **Русинова Вера Николаевна,** доктор юридических наук, доцент, руководитель департамента международного права ФГАОУ «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Ведущая организация:	ФГАОУ «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Защита состоится «17» марта 2027 года в 13:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.04, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, 123242, ул. Садовая-Кудринская, д. 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» http://msal.ru.

Автореферат разослан «_____» _____2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,

доктор юридических наук, профессор А.В.Корнев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Право народов на самоопределение, оказавшее определяющее влияние на формирование современной политической карты мира, представляет собой одну из ключевых и вместе с тем наиболее противоречивых концепций международного права и раскрывает содержание принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого наряду с другими в Уставе ООН 1945 года, Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международных пактах о правах человека 1966 года, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 года, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года и иных основополагающих актах. Данный принцип предоставляет народам право свободно определять свой политический и правовой статус и осуществлять культурное и экономическое развитие. Вместе с тем отсутствие единых механизмов его реализации превращает самоопределение в объект политических манипуляций и произвольного толкования, что нередко провоцирует международные, региональные и внутренние конфликты. Возникающая при этом правовая коллизия носит фундаментальный характер: для народов, чьи права систематически нарушаются самоопределение выступает инструментом освобождения и легитимации борьбы за суверенитет, тогда как для существующих государств оно нередко служит прикрытием сепаратизма и угрозой территориальной целостности, что делает его одновременно «краеугольным камнем» и «ахиллесовой пятой» современного миропорядка.

Актуальность темы дополнительно подтверждается динамикой современной международной практики: консультативным заключениям Международного Суда ООН по Косово (2010 г.), вопросу принадлежности островов Чагос (2019 г.) и палестино-израильскому конфликту (2004, 2024 гг.), продолжающейся дискуссией вокруг Буживальского соглашения 2025 г. по Новой Каледонии, а также поляризацией подходов к статусу Тайваня. Особое значение для отечественной науки международного права приобретает вхождение Республики Крым, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации — процесса, получившего обоснование в постановлениях Конституционного Суда РФ и опирающегося на критерии систематического нарушения права русскоязычных меньшинств на внутреннее самоопределение. Сопоставление данной практики с правовыми позициями Верховного суда Великобритании по вопросу о референдуме в Шотландии и заключением Верховного Суда Канады относительно возможности выхода Квебека образует сравнительно-правовую основу для выявления современных тенденций применения принципа самоопределения и поиска баланса между ним и принципом территориальной целостности.

Не меньшую значимость имеет и теоретическая дискуссионность рассматриваемой проблемы, что представляет собой дополнительный научный интерес. Разграничение внутреннего самоопределения, реализуемого через автономию и участие меньшинств в управлении государством, и внешнего

самоопределения, допустимого лишь при исчерпании либо системном блокировании внутренних механизмов, остаётся доктринальной конструкцией, не получившей полноценного нормативного закрепления. Международный Суд ООН в консультативном заключении по Косово, признав трансформацию принципа самоопределения важнейшим аспектом развития международно-правовой системы, вместе с тем уклонился от прямой оценки правомерности сецессии, включая концепцию «защитной сецессии», оставив пространство для противоречивых интерпретаций, что подтверждается и неудавшейся попыткой одностороннего провозглашения независимости Каталонии. К этому добавляется сохраняющаяся терминологическая неопределённость категорий «народ» и «нация», не получивших точного определения ни в международном праве, ни в доктрине, что порождает неустранимую неясность относительно круга субъектов права на самоопределение — от коренных и малочисленных народов до национальных меньшинств.

Существенным элементом актуальности выступает и трансформация института международно-правового признания государств — постепенный переход от декларативной теории эффективного контроля, доминировавшей в период деколонизации, к элементам конститутивности, обусловленный стремлением международного сообщества ограничить бесконтрольное распространение сецессионных процессов. Следствием этой эволюции стало появление обширного круга государственных образований *de facto* — Приднестровской Молдавской Республики, Абхазии, Южной Осетии, Турецкой Республики Северного Кипра, Косово, Государства Палестина, Тайваня, Сахарской Арабской Республики, Сомалиленда, — правовой статус которых остаётся неурегулированным при отсутствии единых международных стандартов признания. Дополнительную сложность создаёт коллизия между принципом самоопределения и принципом *uti possidetis juris*, получившая различное истолкование в доктрине, а также практике Арбитражной комиссии по Югославии (Комиссии Бадинтера) и в постановлениях Конституционного Суда РФ, что обнажило дискуссионный характер действия данного принципа применительно к границам бывших союзных республик.

Диссертантом подготовлено первое за постсоветский период комплексное исследование по специальности «международное право», в котором право народов на самоопределение анализируется системно — от зарождения идеи до разработки проекта международно-правового документа, закрепляющего современную трактовку данного права и критерии легитимности форм его реализации.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью работы является комплексное теоретико-правовое обоснование содержания, форм реализации и механизмов имплементации права народов на самоопределение в современном международном праве, а также выработка универсальных критериев легитимности самоопределения и правовых моделей урегулирования связанных с ним конфликтов.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: определение этапов становления и развития права на самоопределение от философской идеи до императивной нормы международного права; установление места принципа равноправия и самоопределения народов в системе основных

принципов международного права; разработка критериев баланса принципов самоопределения и территориальной целостности на основе концепции «представительного правительства»; определение субъектов права на самоопределение и разграничение понятий «народ», «нация», «национальное меньшинство», «коренные и малочисленные народы»; выявление условий легитимности сецессии, включая критерии ремедиальной сецессии; обоснование применения принципа uti possidetis juris и определение пределов его действия; установление соотношения права на самоопределение с концепцией «ответственности защищать» и правом на самооборону; определение национально-территориальных и культурно-языковых основ реализации самоопределения; анализ моделей внутреннего самоопределения (автономия, федерализм, консоционализм); исследование феномена государственности de facto и роли института признания; выработка правовых моделей мирного урегулирования конфликтов; анализ судебной практики международных и национальных органов; разработка проекта международно-правового документа о праве народов на самоопределение и формах его реализации.

Объектом диссертационного исследования являются международные отношения, связанные со становлением и развитием права народов на самоопределение, включая формирование соответствующих норм, их реализацию и толкование, а также системные взаимосвязи этих норм.

Предметом исследования является совокупность норм международных и национальных нормативных правовых актов, доктринальные положения, а также правоприменительная практика, определяющие юридическое содержание, условия и механизмы реализации права на самоопределение в современном международном праве.

Методологическая основа исследования. Для раскрытия темы использованы общенаучные методы (диалектический, историко-ретроспективный, системно-структурный, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и обобщение, моделирование, прогнозирование) и частнонаучные юридические методы — сравнительно-правовой (при сопоставлении казусов Косово, Квебека, Каталонии, Крыма, Южного Тироля и др.) и формально-юридический (при анализе нормативных актов и формулировании авторских предложений).

Степень научной разработанности темы. В доктрине международного права проблематика самоопределения разрабатывается по ряду взаимосвязанных направлений. Теоретические основы права на самоопределение, его нормативную природу, субъектный состав и соотношение с суверенитетом и правосубъектностью исследовали Л.П. Ануфриева, Е.Т. Байльдинов, Д.Т. Бараташвили, Ю.Г. Барсегов, К.А. Бекяшев, Л.И. Волова, Ю.В. Емельянов, А.Я. Капустин, В.А. Карташкин, А.Д. Катков, В.П. Кузнецов, Э.Л. Кузьмин, В.И. Лафицкий, В.Г. Лисовский, И.И. Лукашук, А.А. Моисеев, А.Н. Мочалов, Р.А. Мюллерсон, Н.В. Остроухов, Ю.А. Решетов, И.М. Сампиев, Л.В. Спиранский, В.П. Ступишин, И.Р. Султанов, Р.А. Тузмухамедов, Н.А. Ушаков, Д.И. Фельдман, С.В. Черниченко, а также зарубежные ученые Э.Х. Аречага, Д. Анцилотти, М. Блюнтшли, И.Х.В. Верзейл, А. Кассезе, Г. Кельзен, М. Коскенниеми, Дж. Кроуфорд, Х. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм, А. Пелле, С. Уитли, А. Фердросс, Ч. Хайд, Р. Хиггинс, М. Шо.

Концептуальные основы права народов и наций на самоопределение формировались в трудах таких мыслителей, ученых и политических деятелей, как Н.А.Бердяев, Ж.Боден, С.Н.Булгаков, В.Вильсон, Г.В.Ф.Гегель, Т.Гоббс, Гуго, И.А.Ильин, И.Кант, С.Б.Крылов, В.И.Ленин, Дж. Локк, Пухта, Ж-Ж.Руссо, Савиньи, И.В.Сталин, И.Г.Фихте, Ю.Хабермас, Д.Харт, Б.Н.Чичерин.

Политико-правовые и исторические аспекты самоопределения, включая его связь с национализмом, федерализмом и конституционной идентичностью, освещали В.Д. Зорькин, Е.А. Нарочницкая, М.Х. Фарукшин, Т.Я. Хабриева, О.Е. Кутафин, а также Т. Арендт, К. Вердери, Д. Горовиц, Б. Констант, А. Лейпхарт, Д. Линч, А. Токвиль, К. Уэлман, Р. Фальк, М. Хартвиг, К. Шмитт, Г. Эванс, О. Ясуаки.

Самостоятельный блок образуют исследования соотношения самоопределения с территориальной целостностью, условий правомерности сецессии и принципа uti possidetis. Эти вопросы разрабатывали А.С. Исполинов, А.А. Клишас, В.Л. Толстых, а из зарубежных авторов — Г. Андерсон, А. Бьюкенен, Я. Клабберс, Б. Кнолл, К. Кноп, А. Коббан, П. Радан, С. Рингерт, С. Собри, М. Стерио, Д. Тюрк, К. Уайр, П. Хильпольд, Д. Хиткот.

Институт признания государств, его конститутивная, декларативная и смешанная модели, а также правовое положение непризнанных и частично признанных образований составляют отдельное направление, представленные работами В.Н. Казимирова, И.И. Лукашука, В.Л. Толстых, Д.И. Фельдмана, А.Г. Ходакова, а также Г. Андерсона, Д. Анцилотти, М. Коскенниеми, Дж. Кроуфорда, Б. Кнолла, С. Рингерта, С. Собри, М. Стерио, Д. Тюрка, П. Хильпольда, С. Конноли, Б. Симмы, Д. Тринидада, Д. Шелтона, В. Чаплински, Е.-Г. Шима.

Права коренных народов и национальных меньшинств, включая внутреннее (внесецессионное) самоопределение и традиционную экономическую деятельность, разрабатывались А.Х. Абашидзе, Ф.Р. Ананидзе, Р.А. Тузмухамедовым, С.В. Черниченко, а из зарубежных ученых — Ф. Капоторти, А. Дриссеном, П. Дайе, П. Торнберри, С. Пеггом, Д. Терпом, Д. Сендутом, Э. Дэвидом.

Проблематику «несостоявшихся государств» («*failed s*tates») и внешнего вмешательства, региональные и территориальных споров, деколонизации и «замороженных» конфликтов в контексте самоопределения анализировали Э. Маквинни, Дж. Хеллман, В.Н. Казимиров, Д.Т. Бараташвили, Е.А. Нарочницкая, а из зарубежных авторов — М. Гриффитс, Д. Джонсон, Э. Карти, П. Кэлсте, О. Мартин, Т. Масгрейв, Ю. Миклашова, Ф.С. Мирзаев, К. Нольте, К. Нгуен, Й. Одлин, П. Редер, Р. Ротберг, Ш. Розен, Д. Ротшильд, Ф.Р. Тесон, Е. Тырановский, А. Эйде, Г. Эспиэль, Ф. Янков, Д. Хиткот, К. Йип, Р. Осборн.

Наконец, общетеоретические и смежные вопросы международного права, государства и правосубъектности, значимые для исследования самоопределения, разрабатывали И.П. Блищенко, А.Н. Вылегжанин, С.В. Витрянюк, Ю.М. Колосов, О.Е. Кутафин, Ф.Ф. Мартенс, Г.Б. Старушенко, Г.И. Тункин, В.М. Шумилов, Т.Я. Хабриева, а также А. Баруме, Л. Блюмфельд, И. Буттье, Б. Гарцль, К. Йип, С. Конноли, Р. Осборн, Б. Симма, Д. Тринидад, В. Чаплински, Д. Шелтон, Е.-Г. Шим, чьи труды образуют широкий доктринальный контекст рассматриваемой проблематики.

Несмотря на значительный массив работ, посвящённых отдельным аспектам самоопределения народов и наций в международном праве, специальных диссертационных исследований, в которых данная проблема получила бы комплексное освещение с учётом современной практики, автору обнаружить не удалось, что и определило выбор темы исследования.

Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые:

1. Разработана периодизация права народов на самоопределение, ранее не получавшая целостной концептуализации в науке международного права. Выделены четыре последовательных этапа, на каждом из которых принцип самоопределения приобретает качественно новую форму закрепления и реализации.

Первый этап (сер. XVII – кон. XIX вв.) — философско-правовое обоснование самоопределения в доктрине народного суверенитета, теории общественного договора и естественно-правовой концепции прав человека (Ж. Боден, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), апробированное практикой государственного строительства США 1776 г., Великой французской революции 1789 г. и национально-освободительных движений Латинской Америки и Европы середины XIX в.

Второй этап (1914–1945 гг.) — переход самоопределения из философской абстракции в предмет политико-правового регулирования в конкурирующих доктринах В. Вильсона и В.И. Ленина.

Третий этап (1945 – кон. 1990-х гг.) — закрепление самоопределения как принципа международного права в Уставе ООН и последующей договорно-декларативной практике: Декларация 1960 г. о деколонизации, Пакты о правах человека 1966 г., Декларация о принципах международного права 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г.

Четвёртый этап (с 1990-х гг. по настоящее время) — диверсификация нормативного содержания и субъектного состава права на самоопределение за пределами деколонизации: внутреннее самоуправление, сецессия, проблема идентификации новых субъектов-носителей права.

Предложенная периодизация эволюции права на самоопределение позволяет не только структурировать исторический материал, но и проследить трансформацию юридической природы принципа: от философской идеи к обычной норме и императивному правилу, а затем — к множественности форм реализации. Это даёт возможность объяснить различия в подходах международных судов к колониальным, постколониальным и современным сецессионным конфликтам, а также выявить факторы, определяющие легитимность самоопределения в каждом конкретном случае. Периодизация выполняет, таким образом, методологическую функцию, задавая рамку для последующего анализа.

2. Опровергнут распространенный в западной и отечественной доктринах версия о «вильсоновском происхождении» принципа самоопределения виду того-что: а) В.Вильсон не использовал термин «самоопределение» в «Четырнадцати пунктах» (1918 г.); б) идейное авторство и нормативное первенство в обосновании

данного принципа принадлежит В.И. Ленину, который ещё в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение» сформулировал право наций на отделение, а в Декларации прав народов России (1917 г.) впервые нормативно закрепил его; в) американская делегация не выдвигала предложений о включении принципа в Устав ООН; г) инициатором закрепления принципа в ст. 1(2) и 55 Устава ООН выступила советская делегация.

3. Предложена концепция контекстуального баланса значимости принципов самоопределения и территориальной целостности в противовес теориям «иерархии принципов» на основе критерия «представительного правительства» из Декларации 1970 г., согласно которому государство вправе ссылаться на территориальную целостность только при соблюдении обязанности представлять «весь народ без различия».

4. Разработана типология форм реализации права на самоопределение с выделением: а) процедурных форм (внутреннее самоопределение через автономию/федерализацию; консенсуальная сецессия по результатам референдума); б) защитно-правовых форм (деколонизация; ремедиальная сецессия при систематических нарушениях прав; деоккупация). Каждая форма имеет специфические условия легитимности.

5. Обоснована двухуровневая диалектическая модель реализации права на самоопределение, где «народ» трактуется как первичный этнокультурный субъект, а «нация» — как вторичный политико-правовой результат его юридической объективации, при этом приоритетной формой самоопределения внутри уже сформированного государства признается внутренняя, гармонизирующая принцип территориальной целостности с этническим многообразием.

6. В доктрине и практике международного права сложился ряд требований к легитимности односторонней сецессии: соответствующий субъект должен пониматься как «народ» в международно-правовом смысле и составлять компактное большинство населения на определённой территории; должно присутствовать систематическое угнетение — геноцид, этнические чистки, массовая дискриминация; должны быть исчерпаны возможности внутреннего самоопределения и иные мирные средства урегулирования. Однако в доктрине эти требования обычно представлены как разрозненный перечень обстоятельств, лишённый единого основания систематизации и ясного нормативного статуса.

В работе обосновывается, что указанные требования следует квалифицировать не как факультативные обстоятельства, учитываемые по усмотрению правоприменителя, а как конститутивные критерии легитимности односторонней сецессии, несоблюдение которых исключает признание сецессии правомерной.

Предлагается трёхчастная классификация таких критериев: субъектный (квалификация «народа» в международно-правовом смысле), материальный (наличие систематического угнетения) и субсидиарный или *ultima ratio* (исчерпание мирных средств урегулирования). Эта классификация упорядочивает бессистемное перечисление, характерное для существующей доктрины.

Обосновывается необходимость кумулятивного применения всех трёх групп критериев: правомерность сецессии констатируется лишь при одновременном соблюдении субъектного, материально-правового и субсидиарного критериев; соблюдение одного или двух из них легитимности не порождает.

7. Проведено разграничение права на самооборону, предусмотренного статьёй 51 Устава ООН и реализуемого в межгосударственных отношениях, и права на самоопределение, возникающего в отношениях между народом и государством. На основе анализа доктрины и судебной практики обоснован вывод, согласно которому действия народа, находящегося под оккупацией или подвергающегося систематическому угнетению, следует квалифицировать как реализацию права на вооружённое сопротивление в рамках международного гуманитарного права. Соответственно, оккупирующее государство не вправе ссылаться на статью 51 Устава ООН в отношении населения оккупированной территории и народа, который стремится к реализации самоопределения.

8. Предложена дифференцированная роль категории справедливости (justice/equity) применительно к праву народов на самоопределение, проявляющаяся на четырёх уровнях:

а) справедливость как философское основание легитимности (justice) — обосновывает исходную легитимность самого притязания на самоопределение до и вне его позитивно-правового закрепления (философско-доктринальный этап генезиса принципа);

б) справедливость как метод толкования нормы (equity infra legem) — используется международными судами и правоприменительной практикой при уяснении содержания уже кодифицированных элементов принципа — в частности, критериев субъектного состава («народ») и соотношения самоопределения с территориальной целостностью;

в) справедливость как средство восполнения пробелов (equity praeter legem) — компенсирует отсутствие прямого нормативного регулирования применительно к новым претендующим субъектам и постколониальным ситуациям, не охваченным классической формулой деколонизации;

г) справедливость как ограниченное основание эволюции позитивного права через обычай (equity contra legem) — объясняет постепенное расширение содержания принципа за пределы его первоначальной сферы применения (например, признание отдельных элементов внутреннего самоопределения и remedial secession) при сохранении императивного характера самой нормы.

При этом справедливость не выступает автономным источником прав и обязанностей: право народов на самоопределение сохраняет свою нормативную обязательность независимо от справедливости конкретного его применения, а справедливость играет вспомогательную — легитимирующую, интерпретационную и восполняющую — роль на всех этапах его генезиса и реализации.

9. Раскрыт феномен государственности de facto как особой формы признания международной правосубъектности основан на фактической эффективности при отсутствии широкого признания. Длительное существование

образования, демонстрирующего все признаки государственности по критериям Конвенции о правах и обязанностях государств 1933 года (Конвенция Монтевидео), создает «фактическую правосубъектность», влекущую права (на самооборону при наличии оснований для ремедиальной сецессии) и обязанности (соблюдение международного гуманитарного права, ответственность за правонарушения).

В результате исследования сформулирован ряд выводов, имеющих общетеоретическое и общеметодологическое значение для теории и практики международного права:

— между основными принципами международного права не существует иерархии; недопустимо абсолютизирование ни принципа самоопределения, ни принципа территориальной целостности, ни принципа суверенного равенства, ни какого-либо иного из основных принципов;

— народ (в узком смысле) рассматривается в качестве совокупности индивидов, объединенных общими признаками (этнос, язык, культура, историческая территория); в широком смысле — как политическая общность, обладающая правосубъектностью в международном праве;

— национальные меньшинства, а также коренные народы могут реализовать свое право на самоопределение как в форме территориальной автономии, так и через механизмы самоуправления (самоорганизации) и культурной автономии;

— критерии легитимности сецессии должны соответствовать международно-правовому понятию «народ» и не противоречить международному и внутригосударственному праву;

— с учетом поливариантности сецессии в диссертации поддерживается предложение о создании «международного регламента» выхода национально-территориальной единицы из состава суверенных государств;

— обоснована эффективность применения принципа uti possidetis juris для урегулирования территориальных споров и предотвращения вооруженных конфликтов, при установлении пределов его действия;

— показана необходимость увязки индивидуальных прав человека с коллективным правом народа на самоопределение через концепцию ремедиальной сецессии;

— федеративная форма государственного устройства предоставляет этносам дополнительные возможности для реализации внутреннего самоопределения при сохранении государственного единства;

— выбор форм «территориальной аккомодации» этносов (автономия, федерализм, консоционализм) определяется конкретно-историческими условиями каждого государства и должен обеспечивать баланс между культурным самоопределением и государственной стабильностью;

- выявлены сущностные черты все более распространяющегося понятия «непризнанные государства», включая критерии их правосубъектности, показана роль «непризнанных государств» как акторов региональной политики.

Теоретическое исследование, проведенное диссертантом, позволило сформировать основу для выдвижения следующих положений:

1. Историко-правовой анализ генезиса права народов на самоопределение свидетельствует о том, что данное право формировалось не единовременно, а поэтапно — от философско-правовой абстракции до легального закрепления императивного принципа международного права — под воздействием системных трансформаций международного правопорядка и развития доктринальных подходов науки международного права. С учётом предыдущих констатаций выделение четырёх последовательных этапов, ранее не получавших целостной концептуализации в международном праве, представляется имеющим объективную природу:

Первый этап (середина XVII — конец XIX вв.) — формирование философско-правовых основ. В этот период в трудах Ж. Бодена, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и их последователей были разработаны концептуальные основания, без которых последующее юридическое закрепление самоопределения было бы невозможно: доктрина народного суверенитета, теория общественного договора и естественно-правовая концепция прав человека.

Практическому воплощению приведенных концепций способствовал ряд исторических событий. Война за независимость США 1776 года впервые закрепила на конституционном уровне право народа учредить собственную государственность, разорвав связь с метрополией. Великая французская революция 1789 года утвердила нацию единственным источником суверенитета. Гражданская война в США (1861–1865) поставила перед правовой доктриной вопрос о пределах сецессии. Национально-освободительные движения в Латинской Америке и европейские революции 1848–1849 годов обнажили неразрывную связь между самоопределением и практикой государственного строительства, подготовив почву для последующей эволюции международного права в части самоопределения.

Второй этап (1914–1945 гг.) — доктринальная разработка и первичное закрепление. В условиях кризиса Вестфальского миропорядка право на самоопределение впервые получило развёрнутое политико-правовое обоснование — в конкурирующих доктринах В. Вильсона и В.И. Ленина. При всём принципиальном расхождении этих подходов оба они способствовали переходу самоопределения из сферы философской абстракции в область позитивно-правового регулирования, о чем свидетельствует возникновение предпосылок для формирования принципа, его становление и проникновение в национальные правовые системы и международно-правовую практику.

Третий этап (1945 — конец 1990-х гг.) — нормативное закрепление. Учреждение Организации Объединённых Наций и принятие её Устава ознаменовали качественный сдвиг в развитии рассматриваемого принципа: право народов на самоопределение получило закрепление в качестве одного из принципов международного права. Последующая договорная и декларативная практика — Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года, Международные пакты о правах человека 1966 года, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 года, Заключительный акт СБСЕ 1975 года — последовательно наполняла данный принцип конкретным

нормативным содержанием, обеспечивая его закрепление в системе источников международного права.

Четвёртый этап (с 1990-х годов по настоящее время) – характеризуется продолжающимся концептуальным переосмыслением и нормативной диверсификацией субъектного состава права на самоопределение. Современные условия связаны прежде всего с существенным расширением нормативного содержания данного права, которое более не сводится исключительно к деколонизации как исторически первоначальной сфере его применения. В доктрине и правоприменительной практике активно разрабатываются и верифицируются такие измерения данного права, как внутреннее самоуправление, ремедиальная сецессия, а также проблема идентификации новых субъектов-носителей данного права.

2. В отечественной и западной доктринах утвердилось представление о «Четырнадцати пунктах В. Вильсона» 1918 года (проекте мирного договора по итогам Первой мировой войны) как отправной точке генезиса современной концепции права народов на самоопределение. Между тем данная позиция не выдерживает критической проверки и должна быть квалифицирована как несостоятельная.

Текстологический анализ документа опровергает приписываемое ему концептуальное первенство: термин «самоопределение» в «Четырнадцати пунктах» не фигурирует. Содержащиеся в них положения о балансе интересов колонизированных народов и колониальных держав не конституируют права на самоопределение ни в декларативном, ни в нормативном смысле. Примечательно, что данный термин отсутствовал и в официальном дипломатическом дискурсе США, включая переговорный процесс по выработке Устава ООН, — в отличие от советской делегации, последовательно добивавшейся закрепления самоопределения в качестве принципа международного права.

Хронологический аргумент дополнительно подрывает вильсоноцентричную концепцию. Ленинская работа «О праве наций на самоопределение» (1914) и Декларация прав народов России (ноябрь 1917) предшествуют «Четырнадцати пунктам» (январь 1918), что устанавливает неоспоримый приоритет советской правовой мысли в концептуальной разработке данного принципа.

Сравнительно-доктринальный анализ позволяет зафиксировать принципиальное методологическое и содержательное расхождение двух подходов. Концепция «автономного развития» В. Вильсона отличалась ограничительным и селективным характером: сфера её применения была фактически сужена до «цивилизованных» народов Европы, а само самоопределение выступало не самостоятельной правовой ценностью, но инструментом проецирования политического влияния США в условиях послевоенного переустройства мирового порядка.

Ленинская концепция строилась на принципиально иных основаниях. Её системообразующим элементом являлось универсальное и неотъемлемое право всех народов — безотносительно к уровню их экономического и культурного развития — на самоопределение вплоть до государственного отделения. Данный

подход не допускал иерархизации субъектов права по цивилизационному критерию и утверждал суверенное равенство народов в качестве безусловного правового постулата.

Именно ленинский универсализм, а не вильсоновский избирательный «автономизм», оказал определяющее влияние на два взаимосвязанных процесса: нормативное закрепление права на самоопределение в системе принципов международного права и развёртывание глобального деколонизационного движения второй половины XX века. Игнорирование этого обстоятельства в доктрине представляет собой не просто историографическую неточность, но концептуальное искажение, деформирующее понимание природы и генезиса одного из фундаментальных принципов международного права.

3. В советской и российской политико-правовой мысли проблема реализации права народов на самоопределение традиционно рассматривается через призму двух конкурирующих моделей государственного устройства, однако их сопоставление, как правило, ограничивается историко-политическим контекстом и не доводится до уровня международно-правовой квалификации. Между тем именно юридическое содержание указанных моделей представляет самостоятельный интерес для современной доктрины международного права.

Модель «автономизации» (И.В. Сталин) исходила из унитарной логики государственного строительства: национальные республики включались в состав РСФСР на правах автономий, что означало отказ от государственного суверенитета и утрату международной правосубъектности. В категориях современного международного права данная конструкция подлежит квалификации как внутреннее самоопределение — реализация права народа в границах существующего государства.

«Договорная федерация» (В.И.Ленин) строилась на противоположных основаниях: республики признавались суверенными государствами, добровольно вступающими в союз на началах федерализма. За ними закреплялись правосубъектность, юридически гарантированное право на выход, территориальные границы, собственные институты государственной власти, а также условия для развития языка, культуры и национальной идентичности как оснований самобытной государственности. Союзная власть формировалась не путём поглощения, а путём делегирования — республики передавали центру строго определённый объём полномочий, не утрачивая государственной природы.

Проведённый анализ позволяет прийти к заключению о том, что ленинская модель договорной федерации по своей юридической конструкции опередила развитие международно-правовой доктрины федерализма и суверенитета с точки зрения реализации права на самоопределение. Отдельные элементы данной конструкции — сохранение правосубъектности составных частей при делегировании полномочий союзному центру — прослеживаются и в современных моделях «сложных государств» (так называемых «конфликтных») и надгосударственных объединений, включая опыт Европейского союза и постконфликтного государственного строительства (Босния и Герцеговина, Эфиопия, Ирак), что подтверждает не узкоисторическое, а общетеоретическое

значение ленинской модели для науки и практики международного права в области регулирования и формирования полиэтнических государств.

4. Сложным для понимания права на самоопределение служит явление деколонизации. С одной стороны, деколонизация выступила конституирующим фактором нормативной эволюции права на самоопределение, обеспечив его переход из состояния политической идеи в международное право посредством нормативной объективации, формализации субъектного состава и судебной квалификации обязательств *erga omnes,* порождаемых, в свою очередь нормами *jus cogens*. С другой стороны, нормативное закрепление принципа сопровождалось установлением ограничений права на самоопределение: *географический критерий* («Blue water thesis») исключил коренные народы из сферы деколонизации; *принцип uti possidetis juris* законсервировал произвольные колониальные границы; *институт признания* четко проявил свою устойчивую подверженность политической конъюнктуре.

В целях преодоления противоречия между императивным статусом самоопределения как нормы *jus cogens* и избирательностью его реализации, автором выработана модель, основанная на четырёх категориях.

Во-первых, замена географического критерия функциональным подходом посредством пересмотра резолюции ГА ООН 1541 (XV) 1960 года: носителем права признаётся группа, отвечающая совокупности критериев — историческая общность, территориальная связь, устойчивая идентичность и верифицированное волеизъявление.

Во-вторых, нормативное закрепление приоритета внутреннего самоопределения с разработкой *de lege ferenda* рамочной конвенции, фиксирующей минимальные стандарты автономии, право на участие в принятии решений и судебные механизмы защиты.

В-третьих, признание сецессии субсидиарным механизмом, допустимым исключительно при исчерпании внутренних и переговорных процедур и доказанном систематическом уклонении государства от исполнения своих обязательств.

В-четвёртых, нормативная легитимация переговорных механизмов посредством трансформации Специального комитета по деколонизации (Комитет 24) в постоянный орган по вопросам реализации права на самоопределение, наделённый компетенцией мониторинга, содействия переговорам и представления фактологических докладов Генеральной Ассамблее — без полномочий санкционировать сецессию или признавать независимость.

5. Системный анализ международно-правовой доктрины, практики Международного Суда ООН (МС ООН) и докладов Комиссии международного права ООН (КМП ООН) обнаруживает глубинное противоречие, свидетельствующее о концептуальном разрыве между формальным статусом принципа самоопределения народов и наций в современном международном праве, выраженным нормативно, и его судебно-прикладным воплощением (в процессе толкования в ходе правоприменения). КПМ ООН квалифицирует самоопределение как норму, порождающую обязательства *erga omnes* и влекущую правовые последствия, присущие *jus cogens*, — то есть как императив, обязательный для всех

субъектов международного права вне зависимости от их волеизъявления. Между тем МС ООН в своей практике последовательно уклоняется от признания за данным принципом самостоятельной юридической силы как нормы jus cogens фактически низводя его до уровня декларативного ориентира (деколонизации), лишённого механизма принудительной реализации. Подобная судебная позиция не только порождает системную проблему в международно-правовом регулировании, но и де-факто девальвирует императивный потенциал самоопределения, создавая условия для его избирательного и политически детерминированного применения.

В целях преодоления выявленного противоречия выдвигается формула функционального верховенства принципа самоопределения. Согласно данной идее, в ситуации коллизии между императивом сохранения территориального *status quo* и необходимостью защиты права народа, подвергающегося систематическому исключению из политического процесса, последовательному подавлению его культурной, языковой или этнической идентичности либо грубому нарушению его фундаментальных прав, должна действовать юридическая презумпция в пользу реализации самоопределения. При этом критерием правомерности выступает не формальное сохранение существующих государственных границ, а степень соответствия государственно-территориального устройства требованиям императивных норм международного права.

6. В международном праве категории «народ» и «нация» соотносятся как диалектически взаимосвязанные, но функционально разграничивающие субъектов правоотношений, последовательно сменяющих друг друга в процессе реализации права на самоопределение.

Народ выступает первичным и исходным носителем права на самоопределение. Его идентификация осуществляется на основании совокупности объективных критериев: историческая общность; этническая, культурная, языковая идентичность; религиозная и идеологическая близость; устойчивая территориальная принадлежность; общая экономическая деятельность и наличие институтов коллективного волеизъявления.

Нация возникает как результат юридической объективации этого права. Нация — политико-правовая общность, опосредствуемая институтом гражданства и самостоятельной государственности, — которая не ограничивается лишь этнической характеристикой.

С конституированием государственности содержание права на самоопределение претерпевает дифференциацию по двум уровням – внутреннему и внешнему – сообразно формам самоопределения.

На внутреннем уровне право на самоопределение сохраняется за народами, оказавшимися в границах созданного государства, — как за государствообразующим народом, так и за иными народами. Его реализация осуществляется в формах, совместимых с сутью территориальной целостности: институты национально-культурной автономии, территориального самоуправления, гарантированное представительство в органах власти и участие в принятии решений, непосредственно затрагивающих соответствующие общности. Данная форма самоопределения является приоритетной, поскольку обеспечивает

гармонизацию интересов государства и составляющих его народов без разрушения правового и политического единства государственной территории.

На внешнем уровне самоопределение трансформируется в суверенное право государства на независимость в международных (межгосударственных) отношениях и самостоятельность во внутренних делах, легитимацию публичной власти через волеизъявление нации. Субъектом самоопределения в этом плане выступает «государство-нация» в целом.

7. Реализация права на самоопределение обеспечивается посредством взаимоувязанности двух элементов, где важно различать форму (организационно-правовое устройство территории) и способ (процедура легитимации).

Мирные (согласительные) *формы* в рамках существующего правопорядка:

- внутреннее самоопределение: создание национально-культурных автономий, изменение территориального устройства (федерализация), расширение прав местного самоуправления;
- консенсуальная (договорная) сецессия: отделение части территории, осуществленное на основе добровольного соглашения с центральной властью.

Способы:

- референдум (плебисцит): общепринятая процедура мирного волеизъявления;
- договорный процесс: переговоры и достижение соглашения между центром и регионом.

Исключительные (защитные) меры (ultimum remedium). Исключительные меры обосновывают легитимность односторонних действий не как произвол, а как вынужденную реакцию на противоправное поведение материнское государства. Квалифицирующими условиями здесь выступают основания мер (агрессия, оккупация или геноцид).

Формы:

- деколонизация;
- деоккупация: восстановление суверенитета и территориальной целостности государства, нарушенной актом агрессии;
- ремедиальная сецессия (правозащитная): одностороннее отделение от государства (провозглашение независимости и/или присоединение к другому государству), виновного в грубых и неисправимых нарушениях прав субъекта самоопределения;

Способы:

- одностороннее провозглашение независимости: политико-правовой акт;
- вооруженная борьба (национально-освободительное движение) – экстраординарный способ, признаваемый международным правом в ответ на применение силы государством для подавления права на самоопределение;
- международно-правовая имплементация: признание де-юре со стороны ООН и государств.

8. Сецессия как исключительная мера защиты *(ultima ratio)* допустима при наличии в совокупности следующих критериев:

Субъектный критерий. Отделяющаяся общность должна обладать признаками «народа» в международно-правовом смысле: составлять компактное

большинство населения, иметь устойчивую идентичность и институты политического представительства, достаточные для самоуправления.

Субстантивный критерий (систематическое угнетение и дискриминация). Необходимо наличие нарушений прав человека «особой тяжести»: геноцид, этнические чистки, насильственная ассимиляция, преследования по расовому, религиозному, языковому и иным признакам, ущемления в политических и культурных правах, отказ в автономии. Именно действия материнского государства, делающие невозможным совместное существование, возлагают на него ответственность за отделение.

Процедурный критерий (исчерпание средств). Должны быть исчерпаны все мирные внутригосударственные механизмы, а международные средства защиты отсутствовать или быть неэффективными.

При наличии вышеприведенных условий (а) применение силы материнским государством против отделяющегося народа квалифицируется как нарушение п. 4 ст. 2 Устава ООН; (б) помощь третьих государств повстанцам является допустимой; (в) право на применение силы в порядке самообороны распространяется на случаи реализации внешнего самоопределения при длительной оккупации, геноциде или систематическом подавлении прав.

9. Юридическое содержание принципа территориальной целостности, закреплённого в Уставе ООН, характеризуется терминологической нечёткостью, повлекшей доктринальные разногласия и противоречивость правоприменительной практики. Указанное уже в аутентичных текстах Устава: русскоязычная версия пункта 4 статьи 2 оперирует категорией «неприкосновенность» *(inviolability)* территории, тогда как англоязычный текст и господствующая международно-правовая доктрина устойчиво используют термин «целостность» *(integrity)*. Данное обстоятельство означает сущностную неоднозначность самого принципа, допускающего конкурирующие интерпретации его нормативного объёма и пределов действия.

На основе системного анализа Устава ООН, Декларации о принципах международного права 1970 года, практики Международного Суда ООН и доктринальных источников установлено, что принцип территориальной целостности не обладает абсолютным характером, а представляет собой международно-правовую гарантию, действительную при условии надлежащего исполнения государством обязательств перед входящими в его состав народами. Данный вывод предполагает разграничение двух самостоятельных требований:

первое — как внешний императив — устанавливает запрет на изменение государственных границ с применением силы или угрозой её применения, что соответствует юридическому содержанию принципу территориальной целостности, установленного в Уставом ООН и Декларацией о принципах международного права 1970 года. Понятие «территориальная целостность» в этом случае составляет неотъемлемую часть нормы императивного характера, не допускающей отступления и не обусловленной внутриполитическим поведением государства («территориальная неприкосновенность»);

второе — внутреннее условие — определяет пределы действия принципа в отношениях между государством и составляющими его народами. Государство

утрачивает право апеллировать к территориальной целостности как к международно-правовой защите в случае систематического нарушения прав народа и отказа в предоставлении ему внутреннего самоопределения. Государство, практикующее дискриминацию, принудительную ассимиляцию или полное или частичное политическое исключение народа из процесса управления государством, тем самым подрывает легитимность суверенитета, то есть полноты собственной власти в пределах территориального верховенства. Следствием такой делегитимации выступает нормативное смещение баланса в пользу права народа на внешнее самоопределение — сецессию в качестве субсидиарного защитного механизма, активируемого в качестве *ultima ratio* при доказанной и юридически неустранимой несостоятельности государства как гаранта равноправия составляющих его народов.

10. Феномен непризнанных государств — закономерное явление современного международного права, в основание которого в определенной мере заложено противопоставление между принципом территориальной целостности и принципом равноправия и самоопределения народов, дополнительно осложняемое формулой *uti possidetis juris*, закрепляющей нерушимость административных границ на момент обретения независимости (в контексте постколониального периода). Это противоречие не является разрешимым с помощью классических теорий признания: ни декларативная, абсолютизирующая государственность *de facto*, ни конститутивная, ставящая правосубъектность в зависимость от воли признанных государств, не учитывают двойственной природы признания, которое одновременно подтверждает объективные признаки государственности и конституирует полноту международной правосубъектности.

Отсюда следует необходимость смешанной (конститутивно-декларативной) модели признания, основанной на объективных критериях (эффективный контроль над территорией и населением, независимая публичная власть, соблюдение Устава ООН, гарантии прав меньшинств), формализованной и деполитизированной процедуре, а также на разграничении внутреннего самоопределения как универсальной нормы и сецессии как исключительной меры, допустимой лишь при систематических нарушениях прав человека и отказе в праве на внутреннее самоопределение. Такая модель способна преодолеть «серую зону» дуалистического статуса непризнанных образований, существующих de facto, но лишённых de jure полноценного участия в международных отношениях — возможности заключать международные договоры, участвовать в международных организациях и обеспечивать соблюдение норм международного права.

Принципиально строгое разграничение «непризнанных» *(unrecognized)* и «несостоявшихся» *(failed)* государств: первые обладают формальными признаками государственности, но лишены международной правосубъектности вследствие непризнания; вторые сохраняют признанный статус, но утрачивают эффективный контроль над территорией, населением, обеспечением верховенства собственной власти, порождая угрозы региональной безопасности. Смешение этих категорий ведёт к ошибочным квалификациям, необоснованному вмешательству и деформации практики признания, поэтому необходим дифференцированный правовой режим для каждой из них.

Наконец, анализ вышеуказанного феномена выявляет кризис оснований современной международной системы, в которой институт признания нередко служит инструментом геополитического влияния под видом «нейтральной правовой формы». Существование в настоящее время двойных стандартов (Косово — Абхазия и Южная Осетия) подтверждает приоритет политической целесообразности по отношению к универсальным нормам. Следовательно, преодоление этой тенденции требует критического переосмысления понятий самоопределения и территориальной целостности с учётом принципа *uti possidetis* и признания политической ответственности за решения о признании, имеющие судьбоносное значение для народов.

11. Принцип *uti possidetis juris,* который был заимствован из римского частного права, ныне характеризуется устойчивой принадлежностью и к международному праву *(«cuitus contraria memoria non existit»* - в пер. с лат. – «давность с незапамятных времен» или более распространённый вариант – «принцип давности владения территорией»). Он выступает исторически обусловленным инструментом стабилизации межгосударственных границ в постколониальный период. Между тем в современном международном праве наблюдается его стойкое противопоставление императивной норме *jus cogens* – праву народов на самоопределение. Возведение *uti possidetis* в ранг абсолютного приоритета перед правом на самоопределение приводит к юридической консервации колониально-административных границ, легитимирует «внутренний колониализм» и блокирует реализацию сецессии в условиях, когда материнское государство не выполняет обязанности по обеспечению права народа на политическое представительство и физическое выживание. В то же время *uti possidetis* не может рассматриваться как самодостаточный запрет на внешнее самоопределение, а должен быть подчинен принципу самоопределения в случаях, когда: (1) границы являются искусственным продуктом колониального размежевания, не имеющим этнокультурной или исторической обусловленности; (2) государство-метрополия утрачивает способность либо желание гарантировать права народа в рамках существующей территории; (3) наличествует фактически состоявшаяся реализация самоопределения, соответствующая международному праву, которая создает устойчивую государственность на основе новой территориальной идентичность.

12. В процессе реализации права на самоопределение уважение и защита лингвистической идентичности этноязыковых групп выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они выступают объективным критерием легитимности полиэтнического государства: последовательное соблюдение языковой идентичности формирует лояльность этноязыковых групп и укрепляет государственность. С другой стороны, вопреки распространённому в доктрине и политической практике тезису, лингвистические права являются инструментом профилактики сепаратизма и этнополитических конфликтов, а не их катализатором: системное подавление языковой идентичности исторически выступает одним из ключевых факторов дезинтеграции полиэтнических государств.

Реализация языкового многообразия является неотъемлемым компонентом обязательств государства в сфере прав человека в полиэтнических государствах, несмотря на отсутствие в международном праве отдельного субъективного «права на родной язык». Юридическое основание данных обязательств государства устанавливается посредством системного толкования трёх взаимосвязанных блоков: право на внутреннее самоопределение, принципа запрета дискриминации и международно-правовых гарантий культурных прав. Таким образом, отсутствие конкретной договорной нормы не влечёт отсутствия юридически значимых обязательств — последние выводятся из действующей системы источников международного права методом системной интерпретации.

13. В рамках права на самоопределение в качестве особой составляющей присутствует экономическое самоопределение, благодаря которому политический выбор народа приобретает реальное содержание через контроль над природными ресурсами, стратегией развития и защитой прав малочисленных и коренных народов, направленная на осуществление традиционных видов экономической деятельности (статья 1 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.; резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 г. «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами»; Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах (1989 г.), статьи 3 и 46 Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г.). В современной доктрине и практике международного права сформировались два основных подхода, в рамках которых раскрывается содержание экономического самоопределения:

Во-первых, — *это суверенитет над природными ресурсами*. Его содержание образуют неотъемлемый суверенитет государства над природными ресурсами и право на независимое определение стратегии экономического развития. Из данной конструкции следует, что любая модель внешнего контроля над экономикой другого государства — в том числе доктринально оформленная парадигма «выгода вместо согласия»[1] — надлежит квалифицировать как международно-противоправное деяние, несовместимое с императивным запретом вмешательства во внутренние дела государств. Суверенитет над природными ресурсами предполагает право народов самостоятельно определять порядок распоряжения ресурсами и стратегию их использования; эксплуатация ресурсов требует свободного, предварительного и осознанного согласия. Подмена данного стандарта критерием «конкретной и ощутимой выгоды» юридически несостоятельна: материальные блага без реального контроля над территорией и ресурсами не образуют самоопределения, а лишь создают видимость его осуществления и легитимируют сохраняющийся эксплуатационный режим.

[1] Формула *«выгода вместо согласия»* (benefit instead of consent) описывает практику подмены стандарта свободного, предварительного и осознанного согласия (FPIC) народов на проекты, затрагивающие их земли и ресурсы, предложением им компенсационных пакетов или разового разделения выгод. В рамках такого подхода FPIC низводится до транзакционного обмена, где согласие фактически «покупается» рабочими местами, инфраструктурой или денежными выплатами, а народы из правообладателей превращаются в получателей благ.

Во-вторых, — это концепция репаративного самоопределения коренных народов. Понятие «репаративное» указывает на восстановительный характер данной модели: речь идёт не о первичном приобретении права на самоопределение, а о восстановлении исторически утраченного контроля коренного народа над своей территорией, ресурсами и институтами управления. Данная модель закреплена в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. (UNDRIP) как внесецессионная форма реализации самоопределения — то есть не предполагающая отделения от государства, но гарантирующая реальное самоуправление внутри него.

Доктринальный анализ выявляет системную нормативную дефектность концепции репаративного самоопределения, проявляющуюся в следующих измерениях: а) неопределённость субъектного состава: критерии отнесения той или иной общности к «коренному народу» — носителю соответствующего права — остаются юридически размытыми; б) отсутствие действенных имплементационных гарантий превращает декларируемые права в юридически необеспеченные обязательства; в) не разрешена коллизия между коллективными правами коренного населения и правами иных лиц, постоянно проживающих на той же территории.

14. Среди существующих моделей управления этническим многообразием умеренный консоционализм обеспечивает оптимальный баланс между единством государства и правом этнических групп на самоуправление, что делает его предпочтительным механизмом реализации внутреннего самоопределения. Концептуальное своеобразие модели определяется органическим сочетанием двух структурообразующих элементов: региональной автономии, обеспечивающей самоуправление этнических групп и их элит, и инклюзивных политических институтов, гарантирующих реальное участие данных групп в осуществлении государственной власти. Надлежащий механизм институализации такого участия состоит из: соразмерного представительства в органах публичной власти, адаптированной избирательной системы, договорного разграничения полномочий между центром и регионами, а также межрегионального экономического взаимодействие как материальной основы хозяйственной интеграции.

С точки зрения международно-правовых обязательств государства консоционализм обеспечивает выполнение ключевого условия «охранительной оговорки» Декларации о принципах международного права 1970 года, которое заключается в том, что государство, конституционно гарантирующее равноправное участие всех составляющих его народов в осуществлении публичной власти, сохраняет международно-правовую защиту принципа территориальной целостности и одновременно лишает этнополитические движения оснований для апелляции к сецессии.

В нормативном отношении консоционализм обеспечивает надлежащее исполнение государством обязательств по статье 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гарантирует индивидуальные права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Консоционализм дополняет эту гарантию коллективным измерением, создавая системные институциональные механизмы группового самоуправления и политического представительства. Без такого

коллективного измерения формальный запрет дискриминации неизбежно сохраняет декларативный характер, не порождая реальных инструментов защиты групповой идентичности и участия в управлении государством.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы состоит в углублении понимания права на самоопределение как одного из ключевых принципов современного международного права, систематизации подходов к его интерпретации и изучении взаимодействия с иными основными принципами (территориальная целостность, права человека, суверенное равенство государств), а также в применении междисциплинарных методов анализа.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов и рекомендаций международными организациями и государствами при урегулировании конфликтов, связанных с самоопределением; международными судами и национальными законодательными органами; в дипломатической и миротворческой практике; в образовательном процессе — при преподавании международного и конституционного права, истории политических и правовых учений, политологии и конфликтологии.

Обоснованность и достоверность результатов исследования

Обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечены применением разнообразных апробированных методов научного познания, всесторонним анализом отечественной и зарубежной доктрины, значительным объёмом эмпирического и нормативного материала — универсальных, региональных и двусторонних международных договоров, актов декларативного характера, судебной практики международных и национальных органов, а также законодательства государств по проблематике самоопределения народов.

Апробация результатов исследования

Работа выполнена на кафедре международного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)». Основные научные выводы и положения были использованы при подготовке правового заключения для Министерства юстиции Российской Федерации в связи с признанием Верховным Судом РФ ряда сепаратистских движений экстремистскими организациями в 2023–2024 гг.

Основные научные выводы и положения по теме диссертации отражены в 16 научных публикациях, в том числе в рецензируемых научных изданиях из перечня, рекомендованного ВАК при Минобрнауки России («Государство и право», «Международная жизнь», «Вестник Санкт-Петербургского университета», «Московский журнал международного права», «Lex Russica», «Kutafin Law Review», «Актуальные проблемы современного права», «Вестник МГЮА», «Международный правовой курьер» и др.), а также в монографии «Самоопределение народов и наций в современном международном праве» (М.: Проспект, 2025. 20 п.л.).

Результаты исследования апробированы в докладах на международных и всероссийских научных конференциях и круглых столах, в том числе: «Государство и право России в современном мире» (Москва, МГЮА, МГУ, ноябрь 2022 г.); Кутафинские чтения «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» (Москва, ноябрь–декабрь 2023 г.); Международная научная конференция памяти профессора И.И.Лукашука «Политика санкций в международных отношениях: между верховенством права и принуждением» (НИУ ВШЭ, сентябрь 2023 г.); «Правосубъектность в современном международном праве: актуальные вопросы» (Москва, МГУ, ноябрь 2023 г.); XI Московский юридический форум «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы» (Москва, МГЮА, апрель 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «Действие международного права в пространстве», посвящённая 80-летию МГИМО МИД России (май 2024 г.); круглый стол «Национальный, региональный и универсальный правопорядок: проблемы взаимодействия» (Москва, МГЮА, ноябрь 2024 г.); «100 лет государственности Северной Осетии-Алании: история и современность» (Владикавказ, СОГУ, декабрь 2024 г.); круглый стол «Предупреждение пыток и жестокого обращения: международные стандарты и практика государств» (Москва, МГЮА, декабрь 2024 г.); круглый стол «Международное правосудие: проблемы и перспективы» (Москва, МГЮА, март 2025 г.).

Структура и объём диссертации

Структура диссертации определена целями и задачами исследования и включает введение, четыре главы, объединяющие восемнадцать параграфов, заключение, приложение (проект международно-правового документа) и список использованной литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуются методологическая, нормативная и эмпирическая основы работы, раскрываются научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, обоснованность и достоверность полученных результатов, а также сведения об апробации исследования.

Первая глава «Концептуальные основы и правосубъектность основных акторов права на самоопределение», состоящей из шести параграфов, посвящена генезису и эволюции доктрины самоопределения, вопросам деколонизации, места самоопределения в системе принципов международного права, соотношению права на самоопределения и территориальной целостности, правосубъектности основных акторов права на самоопределение.

Первый параграф: **«Генезис и эволюция доктрины самоопределения».** Генезис права народов на самоопределение восходит к философским концепциям народного суверенитета и общественного договора (Дж.Локк, Ж.-Ж.Руссо, И.Кант), получившим политическое выражение в Декларации независимости США 1776 г. и Великой французской революции 1789 г. Параллельно в германской политико-правовой традиции (И.Г.Гердер, И.Г.Фихте) сформировалось этнокультурное понимание самоопределения как права на сохранение самобытной национальной идентичности — линия, впоследствии деформированная пангерманизмом и дискредитированная опытом национал-социализма. Двойственность изначальной концептуализации принципа — политико-волевой (французская традиция) и этнокультурной (германская традиция) — предопределила последующую доктринальную и практическую противоречивость его применения.

Истоки термина «самоопределение» в его современном понимании принято связывать с немецкой философской традицией конца XVIII — начала XIX вв., сложившейся в условиях политической раздробленности Германии и подъёма национально-освободительного движения в ответ на наполеоновскую экспансию. И.Г. Гердер первым предложил трактовку народа как самобытного носителя «народного духа» (*Volksgeist*), выражающегося в языке и культуре, заложив тем самым понимание самоопределения как права на сохранение культурной идентичности, а не как политического волеизъявления. И.Г. Фихте, которому принято приписывать введение самого термина – «самоопределение» и «право на самоопределение» («*Selbsbestimung» und* «*Selbstbestimmungsrecht»*), в «Речах к немецкой нации» (1808) развил эту идею до требования национально-политического объединения немцев на основе языковой и культурной общности — идеи, отразившейся впоследствии в дискуссии о «великогерманском» и «малогерманском» путях объединения. На рубеже XIX–XX вв. данная концепция подверглась радикализации, трансформировавшись в пангерманизм с притязаниями на расширение «жизненного пространства» и утверждением расового превосходства, что впоследствии было использовано идеологией национал-социализма и дискредитировано после Второй мировой войны.

Эволюция права на самоопределение прошла четыре качественно различных этапа со сменой доминирующих источников нормативности: философско-доктринальный (XVII–XIX вв.) - политико-декларативный, не обладающий юридической обязательностью (рубеж XIX–XX вв. — 1945 г., включая заключение Комиссии юристов Лиги Наций 1920 г. по Аландскому вопросу) - конституционализация в качестве императивной нормы международного права (1945–1990-е гг., Устав ООН, резолюции 1514(XV), 2625(XXV), Международные пакты 1966 г.) - диверсификация форм и сфер реализации (1990-е гг. — настоящее время: Венская декларация 1993 г., постколониальные и «гуманистические» трактовки).

Закрепление принципа в ст. 1(2) и ст. 55 Устава ООН стало решающим этапом его юридической институционализации, однако — вопреки распространенному представлению о «вильсоновском» происхождении формулы — результатом настойчивой позиции советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе, добившейся включения соответствующего права в качестве императивного принципа в текст Устава.

Доктринальный анализ (А.Кассезе, Дж.Кроуфорд, Э.Х. де Аречага, Г.И.Тункин, В.Л.Толстых и др.) демонстрирует принципиальное расхождение в оценке зрелости и содержания принципа: если одни авторы (А.Кассезе) видят поступательную эволюцию от политического идеала к правовой норме, другие (Дж.Кроуфорд) фиксируют перманентный кризис идентификации субъекта права («народа») и неопределенность обычно-правового содержания принципа за пределами деколонизационного контекста.

Соотношение категорий «принцип» и «право» самоопределения не образует непреодолимого концептуального разрыва: Декларация о принципах международного права 1970 г., используя в наименовании термин «принцип», фактически раскрывает конкретные правомочия, составляющие содержание «права» на самоопределение, что свидетельствует об их сущностном единстве при различии нормативно-политической формы выражения.

Современная международно-правовая практика обнаруживает системный парадокс: принцип самоопределения одновременно выступает инструментом легитимации государственности (деколонизация, Эритрея 1993 г., Южный Судан 2011 г.) и фактором дестабилизации существующего территориального устройства государств (непризнанные образования, сецессионные конфликты). Диалектическая связь принципа самоопределения с принципом территориальной целостности государств, обозначившаяся уже в актах 1941–1945 гг. (Атлантическая хартия, Декларация Советского правительства, Декларация об освобожденной Европе) и получившая развитие в Декларации 1970 г., остается неразрешенной коллизией, требующей выработки четких критериев легитимности реализации самоопределения — что и составляет задачу настоящего диссертационного исследования.

Второй параграф: «**Сравнительный анализ концепций самоопределения в политико-правовых доктринах В.И.Ленина и В.Вильсона».** Концепции самоопределения В.И.Ленина (1914 г., статья «О праве наций на

самоопределение») и В.Вильсона («Четырнадцать пунктов», 1917–1918 гг.) возникли практически одновременно, но базировались на диаметрально противоположных идеологических основаниях. Ленинская концепция акцентировала право на отделение, образование суверенного государства и присоединение к другому государству под защитой международного права; вильсоновская — понимала самоопределение как «правительство по согласию» (демократическое управление) в рамках существующих государственных границ, с сохранением языка и культуры, но без права сецессии.

Показательно, что сам термин «самоопределение» отсутствует в тексте «Четырнадцати пунктов»; Вильсон подходил к принципу не юридически, а политико-философски, связывая его с демократией и «национальными устремлениями» народов. После «вильсоновского момента» (1917–1919 гг.) и инсульта президента в октябре 1919 г. принцип на десятилетия фактически стал табу в американской дипломатии; именно советская делегация на конференции в Думбартон-Оксе добилась включения формулы «равноправие и самоопределение народов» в Устав ООН.

Концепция Вильсона отличалась внутренней противоречивостью и избирательностью применения: провозглашая принцип самоопределения универсальным идеалом, Вильсон одновременно проводил политику интервенционизма в отношении Мексики, Гаити и Доминиканской Республики, вводил «опекаемую» автономию на Филиппинах и институционализировал расовую сегрегацию во внутренней политике США. Его подход носил цивилизационно-иерархический характер (влияние социал-дарвинизма), а сфера практического применения принципа ограничивалась Европой и интересами укрепления американского влияния.

Ленинская концепция, напротив, признавала право на самоопределение (вплоть до отделения) за всеми нациями независимо от уровня их экономического и культурного развития, рассматривая его не как самоцель, а как инструмент, подчиненный задачам социально-экономического освобождения и классовой борьбы. Принципиальное ленинское положение — право на отделение не тождественно обязанности его реализации отличало его подход от механистического «принципа национальностей» досоветской доктрины.

Историческое влияние двух концепций оказалось асимметричным: вильсоновский проект потерпел институциональное фиаско (отказ Сената США ратифицировать Устав Лиги Наций, неучастие США в организации), тогда как ленинская модель легла в основу федеративного устройства СССР (Декларация прав народов России 1917 г., Договор об образовании СССР 1922 г.) и получила широкое распространение как инструмент национально-освободительной борьбы в колониальном и постколониальном мире вплоть до 1960-х гг., оказав влияние на антиколониальные движения в Азии и Африке.

Сравнительный анализ подтверждает вывод о том, что закрепление принципа самоопределения в Уставе ООН 1945 г. явилось результатом не «вильсоновского», а преимущественно советско-ленинского вклада в формирование данной нормы международного права — тезис, корректирующий распространенное в западной доктрине представление об исключительно

американском авторстве принципа и имеющий значение для последующего анализа его нормативной эволюции в международном праве.

В третьем параграфе (**«Деколонизация как ключевой фактор конституционализации права на самоопределение в международном праве»**) установлено, что именно деколонизация выступила конституирующим фактором превращения самоопределения из политического лозунга в императивную норму международного права. До середины XX века глобализация евроцентричного миропорядка (Берлинская конференция 1885 г., Симоносекский договор 1895 г.) базировалась на доктрине «стандарта цивилизации», служившей правовым обоснованием колониального господства; деколонизация разрушила эту доктринальную основу, придав праву на самоопределение объективный, не зависящий от воли метрополии характер.

Резолюция ГА ООН 1514 (XV) 1960 г. сыграла решающую роль в трансформации принципа по трем направлениям: (а) отвергла критерий «недостаточной подготовленности» народов к независимости, лишив колониализм его идеологического обоснования; (б) имплементировала принцип uti possidetis juris, закрепив предоставление независимости в границах колониальных административных единиц; (в) установила обязательства erga omnes, переведя деколонизацию из «внутреннего дела» метрополий в сферу международно-правовой ответственности. Доктринальный консенсус (А.Кассезе, Дж.Кроуфорд) подтверждает, что именно деколонизационная практика создала презумпцию в пользу независимости и наделила подчиненное население качественно новым международно-правовым статусом, что нашло судебное подтверждение в Консультативном заключении Международного Суда по Намибии.

Одновременно деколонизационная парадигма заложила структурные ограничения субъектного состава права на самоопределение. «Теория синей воды» (закрепленная резолюцией 1541 (XV) 1960 г.) искусственно ограничила деколонизацию территориями, географически отделенными от метрополии, исключив тем самым коренные народы, чьи земли были аннексированы и инкорпорированы в состав государств, из деколонизационного механизма — вплоть до принятия Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. (резолюция 61/295).

Критический анализ (Э.Г.Угалде) справедливо указывает на структурно-колониальное происхождение самого международного права и сохранение постколониальных асимметрий (постоянное членство в СБ ООН, контроль над финансовыми институтами, наследие uti possidetis). Однако радикально-деконструктивистский подход, отрицающий способность международного права к саморефлексии и трансформации, представляется теоретически уязвимым: он не предлагает критерия различения прогрессивных и регрессивных нормативных сдвигов и недооценивает инструментальную роль международного права как арены самой антиколониальной борьбы (резолюция 1514, дело Намибии).

Диалектика деколонизации заключается в том, что она одновременно конституировала право на самоопределение как норму jus cogens и заложила пределы его применения (проблема «народов без территории», исключение коренных народов, жесткая привязка к административным, а не этническим

границам). Современные дискуссии о ремедиальной сецессии, о самоопределении коренных народов и о пределах uti possidetis представляют собой прямое продолжение противоречий, институционализированных в 1960 г.

В четвертом параграфе (**«Нормативное содержание и место принципа самоопределения народов в иерархии основных принципов международного права»**) диссертант обосновывает позицию о недопустимости выстраивания жесткой иерархии принципов и присоединяется к подходу, закрепленному в Декларации о принципах международного права 1970 г. и Заключительном акте СБСЕ 1975 г.: все основные принципы взаимосвязаны, обладают «первостепенной важностью» и подлежат толкованию с учетом друг друга. Попытки отдельных авторов (Е.Т.Байльдинов и др.) выстроить строгую иерархию принципов по степени «важности для человечества» признаются методологически несостоятельными.

Концептуальное разграничение А.Кассезе внешнего и внутреннего самоопределения сохраняет объяснительную ценность: для народов, уже проживающих в суверенных государствах, приоритетной формой реализации права выступает внутреннее самоопределение (демократическое участие, автономия, культурные и языковые права), тогда как внешнее самоопределение (сецессия) допустимо лишь в исключительных случаях. Данная рамка была воспринята судебной практикой (дело о Квебеке, Верховный суд Канады).

Критический анализ прецедентов (позиция Э.Карти относительно дела Буркина-Фасо/Мали и заключений Комиссии Бадинтера по Югославии) показывает устойчивую тенденцию международно-правовой практики к фактическому подчинению права на самоопределение принципу uti possidetis и территориальной стабильности. Вместе с тем диссертант не соглашается с тезисом о безусловном приоритете территориальной целостности, настаивая на контекстуальном балансе принципов, а не на их априорном соподчинении.

Ключевым юридическим критерием разрешения коллизии «самоопределение — территориальная целостность» признается «охранная оговорка» Декларации 1970 г.: защита территориальной целостности распространяется только на государства, правительства которых «представляют весь народ без различия расы, вероисповедания или цвета кожи». Систематическое и грубое нарушение этого условия (дискриминация, репрессии, отказ от представительства) создает правовое основание для реализации внешнего самоопределения, включая сецессию — что составляет ядро доктринальной концепции ремедиальной сецессии.

Категория справедливости (с разграничением англоязычных terms justice и equity) выполняет двоякую функцию в механизме реализации самоопределения: философско-легитимирующую (обоснование правомерности борьбы народов за независимость) и технико-юридическую (толкование норм и восполнение пробелов). Заимствованная у Д.Стоуна трехчленная схема — infra legem (ограничительное толкование охранной оговорки), praeter legem (случай Бангладеш 1971 г. — восполнение пробела в отсутствие критериев ремедиальной сецессии) и contra legem (случай Косово 2008 г., где МС ООН уклонился от правовой оценки аргумента о «высшей справедливости») — демонстрирует пределы применения этой категории: справедливость не является автономным источником прав и

обязанностей и не может служить самостоятельным основанием сецессии без опоры на позитивное право.

Диссертант заключает, что диалектика взаимодействия принципа самоопределения с иными основными принципами международного права является не разрешимым раз и навсегда противоречием, а перманентно воспроизводящимся балансом, требующим оценки в каждом конкретном случае с учетом критерия справедливого представительства и защиты прав человека.

В пятом параграфе исследуются вопросы коллизии принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Анализ аутентичных текстов Устава ООН и его переводов показывает терминологическую неоднозначность понятия «territorial integrity»: в п. 4 ст. 2 оно переведено как «неприкосновенность» (внешний аспект — защита от силового посягательства), тогда как в последующих документах (Декларация 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г.) — как «целостность». Данное разграничение имеет принципиальное юридическое значение и подтверждается позицией С.Б.Крылова: запрет по п. 4 ст. 2 Устава не распространяется на добровольное, ненасильственное изменение территории, включая реализацию права народа на самоопределение.

Доктринальный спор о соотношении принципов (позиции о «верховенстве» территориальной целостности — С.В.Черниченко, В.Чаплиньский; о «примате» самоопределения — А.А.Прудников и др.) признается методологически некорректным: Декларация 1970 г. и Заключительный акт СБСЕ 1975 г. прямо закрепляют равнозначность и взаимосвязанность основных принципов, что подтверждается и позицией Комитета Министров Совета Европы по нагорно-карабахскому урегулированию.

Ключевым инструментом разрешения коллизии выступает «охранная оговорка» Декларации 1970 г.: территориальная целостность защищается лишь в отношении государств, чье правительство «представляет весь народ без различия расы, вероисповедания и цвета кожи». Анализ практики Международного Суда ООН (дела о Восточном Тиморе 1995 г., Чагосском архипелаге 2019 г., Косово 2010 г., Консультативное заключение по оккупированной палестинской территории 2024 г.) демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию самоопределения обязательством erga omnes и (с 2024 г.) — императивной нормой jus cogens, однако при системном уклонении Суда от установления его приоритета в конкретных коллизионных ситуациях (принцип consensual jurisdiction, дело Восточного Тимора), что порождает «нормативную аномалию»: jus cogens без надлежащего механизма правоприменения.

Расхождение методологии Комиссии международного права (двухшаговый тест идентификации jus cogens — Проект выводов 2022 г.) и практики Международного Суда ООН (ситуативное признание императивности «в условиях иностранной оккупации» без анализа opinio juris cogentis) свидетельствует о незавершенности процесса нормативной консолидации статуса самоопределения как императивной нормы.

Предлагаемая диссертантом концепция «функционального верховенства» обосновывает необходимость перехода от формального критерия правомерности границ (сам факт их существования) к функциональному критерию (соответствие

государственно-территориального устройства требованиям jus cogens). Активация приоритета самоопределения обусловлена совокупностью трех порогов — субъектного (наличие народа как устойчивой общности), нарушительного (систематическое нарушение представительства, дискриминация, культурное подавление, применение силы против мирного волеизъявления) и субсидиарного (исчерпание внутригосударственных средств защиты) — что исключает применение концепции как инструмента произвольной дезинтеграции государств и одновременно преодолевает избирательность существующей практики (признание Косово при непризнании Абхазии и Южной Осетии, Южного Судана при осуждении Каталонии), демонстрирующей доминирование политических факторов над правовыми критериями и обосновывающей необходимость выработки универсальных критериев легитимности самоопределения — задачу последующих глав настоящего исследования.

В шестом параграфе исследуются вопросы основных субъектов, имеющих право на самоопределение. Центральная проблема субъектного состава права на самоопределение — отсутствие общепризнанного легального определения понятия «народ» — порождает системный разрыв между нормативным регулированием и политической практикой его применения. Классическая (деколонизационная) доктрина оперировала формально-юридическим, а не этнокультурным критерием идентификации субъекта («канон самоопределения» по К.Кноп), что позволяло избегать сложных вопросов идентичности, но одновременно систематически исключало из процесса реализации права группы, не совпадающие с колониальными административными границами (прежде всего — коренные народы).

В доктрине сформировался устойчивый перечень дескриптивных критериев идентификации народа (общность исторической судьбы, этническая/языковая/религиозная идентичность, территориальная связь, культурные традиции), наиболее полно систематизированный в итоговом докладе экспертов ЮНЕСКО 1989 г. Вместе с тем нормативный (морально-философский) подход (А.Бьюкенен, Ф.Тесон) смещает акцент с объективных этнокультурных признаков группы на критерии легитимности притязаний — необходимость защиты от систематической несправедливости и нарушений прав человека, что представляется диссертанту методологически продуктивным дополнением к дескриптивному подходу, но не его заменой.

Судебная практика Международного Суда ООН (дела о Северном Камеруне 1963 г., о Никарагуа 1986 г., о территориальном споре Ливия/Чад 1994 г., о Восточном Тиморе 1995 г.) последовательно конструирует «народ» в качестве самостоятельного, первичного субъекта международного права, чья правосубъектность не производна от государства и не подлежит аннулированию последним, что подтверждает системообразующее значение данной категории для всего института самоопределения.

Диссертант обосновывает необходимость терминологического разграничения понятий «народ» (этнокультурная общность — носитель учредительного права на самоопределение) и «нация» (политико-правовой результат его реализации, тождественный признанному суверенному государству).

Одновременно подтверждается принципиальное различие в объеме правосубъектности между народом/нацией, обладающими первичным (в том числе потенциально сецессионным) правом на самоопределение, и национальными меньшинствами / коренными малочисленными народами, чья правосубъектность носит производный, функциональный характер и реализуется исключительно в формах внутреннего самоопределения (территориальная и национально-культурная автономия, общинное самоуправление) — позиция, подтвержденная как актами ООН (Декларация о правах коренных народов 2007 г. с ее «охранной оговоркой» ст. 46), так и практикой Комитета ООН по правам человека (дело вождя племени Микмак против Канады, 1980–1986 гг.), последовательно отказывающего индивидуальным заявителям в самостоятельной реализации коллективного права на самоопределение.

Формы реализации права на самоопределение диссертантом систематизированы в двухуровневую структуру: (а) процедурно-мирные формы в рамках существующего правопорядка (внутреннее самоопределение, референдум, консенсуальная сецессия), составляющие нормативный идеал; (б) защитно-правовые формы, применимые лишь как крайняя мера (ultimum remedium) — деколонизация, ремедиальная сецессия, деоккупация, — допустимые исключительно при наличии квалифицирующих условий систематического и грубого нарушения прав народа.

Итоговый вывод параграфа: современная международно-правовая практика (за немногочисленными исключениями — Косово, Бангладеш, Южный Судан, Эритрея) фактически сводит реализацию права на самоопределение к его внутреннему аспекту, связанному с конституционным устройством государства, тогда как внешнее самоопределение (изменение территориального статуса) остается исключительной и строго обусловленной формой. Это не означает эрозии значения принципа, а отражает его функциональную бивалентность: внутренний аспект обеспечивает народам право жить в политической системе, соответствующей их воле, не затрагивая при этом территориальную целостность государства.

Во второй главе «Институционные формы реализации права на самоопределение и проблемы их международно-правовой квалификации» исследуются федерализм как базовая модель реализации права народов на самоопределение, этно-региональная самостоятельность и автономия как формы внутреннего самоопределения, институционально-правовые механизмы регулирования режимов самоуправления. Отдельное внимание уделено феномену государственности de facto — проблеме легитимности и эффективности таких образований, как Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Турецкая Республика Северного Кипра, Тайвань, а также категориям «непризнанных» и «несостоявшихся» государств, показана их роль как акторов региональной политики и определены критерии их правосубъектности.

В первом параграфе второй главы - «**Федерализм - базовая модель реализации права народов на самоопределение»,** исследование позволяет

заключить, что федерализм в международно-правовом измерении представляет собой институциональный механизм согласования принципа территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Юридическая конструкция «любого другого политического статуса», закрепленная в Декларации о принципах международного права 1970 г., образует нормативное основание для квалификации федеративных отношений как легитимной формы реализации самоопределения во внутригосударственной сфере, что подтверждается Докладом ООН 2018 г., прямо поименовавшим федерализм в числе таких форм.

В доктрине федерализм рассматривается как «комбинация самоуправления и совместного правления» (Д.Элейзер), обеспечивающая сохранение идентичности сообществ при достижении общих целей. Ключевое значение имеет концепция «альтернативной федеративной опции» (Э.Маквинни), противопоставляемая классической модели национального государства, унитарному централизму и сецессии. Федерализм предстает не как статичная архитектура, а как динамический процесс поиска институционального равновесия, что подтверждается практикой деволюции в Великобритании, канадским опытом аккомодации франко-английского дуализма и эволюцией бельгийской федерации.

Анализ практики национально-государственного строительства свидетельствует о многообразии форм самоопределения в рамках федеративных государств — от советской модели с конституционным правом сецессии до современных асимметричных федераций с ограниченной международной правосубъектностью субъектов. При этом международное право сохраняет за центральным правительством ответственность за соблюдение международных обязательств, а субъекты федерации, как правило, не обладают международной правосубъектностью. Принцип территориальной целостности имеет внешнее применение и не может использоваться для отрицания права народов на самоопределение.

В современной научной литературе акцент смещается на поиск рациональных форм самоопределения именно во внутригосударственных формах — автономии, культурном самоуправлении, деволюции, что позволяет предотвратить конфликты и не доводить дело до сецессии, рассматриваемой как исключительная мера. Федеративные принципы постепенно переносятся и на межгосударственный уровень, способствуя конституционализации международного права и ослабляя дихотомию между национальным и международным правопорядками. Успех федерализации зависит от добровольности согласия, а не от внешнего принуждения. В мире не существует единой модели федерализма, что исключает унифицированный подход к вопросам самоопределения народов субъектов федераций.

Во втором параграфе второй главы исследуются вопросы этнорегиональной самостоятельности и автономии как формы реализации самоопределения. Автор приходит к выводу, что современное международное право исходит из приоритета «внутреннего самоопределения» как первичной и наиболее предпочтительной формы реализации права народов, легитимирующей права этнических общностей в рамках существующей государственности. Критическая доктрина (Ф.Тесон) дезавуирует этническую парадигму, замещая её

универсалистской правозащитной моделью, где единственным источником нормативности выступают права индивида, а групповые правопритязания методологически некорректны, если они ограничивают индивидуальные свободы.

Подавляющее большинство государств и международные органы (Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Венецианская комиссия) последовательно исходят из того, что права меньшинств не могут служить обоснованием для отделения или расчленения государства; территориальная целостность и суверенное равенство остаются незыблемыми принципами. Вместе с тем при компактном проживании меньшинств на исторической территории им может предоставляться территориальная автономия как форма внутреннего самоопределения, что подтверждается документами ОБСЕ и практикой Совета Европы.

Автономия квалифицируется как основная и наиболее сбалансированная форма реализации самоопределения, альтернативная сецессии, позволяющая преодолеть дихотомию «государственность или ничего». Она является юридическим эквивалентом самоуправления в контексте внутреннего самоопределения и производна от суверенитета государства: автономный регион остаётся частью его территории, а конечная власть принадлежит центральному правительству. Тем самым автономия переводит противостояние принципов территориальной целостности и самоопределения в плоскость институционального сотрудничества и разделённого управления. Международный Суд ООН (дело архипелага Чагос) также исходит из территориального, а не этнического понимания субъекта самоопределения, что косвенно укрепляет легитимность территориальной автономии.

Функциональное назначение автономии включает сохранение этнополитического равновесия, урегулирование этнотерриториальных конфликтов, защиту языка, культуры и исторической памяти меньшинств и коренных народов, а также децентрализацию как средство снижения сепаратистских настроений. Конституционный опыт стран БРИКС и европейских государств (Испания, Италия, Великобритания) свидетельствует, что выбор способа этнотерриториальной аккомодации — федерализма, территориальной автономии или специализированных территорий — обусловлен степенью политических притязаний этнических групп, их численностью и компактностью расселения. Национально-культурная автономия, в свою очередь, выступает экстерриториальной формой самоорганизации для дисперсно проживающих меньшинств, позволяя сохранять самобытность без ущерба территориальной целостности. Успешность автономных моделей зависит от качества институционального дизайна, своевременности предоставления, реальности, а не имитации автономных прав, а также учёта исторических и культурных особенностей.

Третий параграф второй главы **«Правовые механизмы регулирования режимов самоуправления в контексте самоопределения».** Институционально-правовое регулирование самоуправления в многосоставных и разделенных обществах охватывает три системообразующих направления: государственное устройство (определение системы власти, уровней принятия решений, объема

компетенций), институты государственного управления (состав и функции ветвей власти, избирательная система, система сдержек и противовесов) и взаимоотношения между гражданами, группами и государством (уважение и защита прав всех групп населения, обеспечение возможности использования языка меньшинства, инклюзивность в управлении). Теоретической основой выступают три доминирующие концепции: консоционализм (объединение власти), интеграционизм и разделение власти. В рамках консоционализма различаются корпоративная и умеренная модели, причем последняя, предполагающая определение самоуправляющейся территории снизу вверх, а не сверху вниз, признается более универсальной.

Сравнительный анализ практических примеров демонстрирует решающее значение своевременности предоставления автономии и добросовестности центральных властей. Успешный опыт Южного Тироля показывает, что достижение стабильного и прочного урегулирования возможно при наличии международных гарантий (Соглашение Грубера–Де Гаспери, Резолюция ГА ООН 1497/XV), комплексного статута автономии с детальной регламентацией прав (137 пунктов), системы контроля и надзора за имплементацией, а также готовности центра к диалогу и учету требований этнических групп. Переходный период имплементации занял более 20 лет, что свидетельствует о необходимости долгосрочной приверженности всех сторон. Напротив, украинский кризис 2014 года и последующие события иллюстрируют деструктивные последствия отказа от институционального регулирования: игнорирование прав русского языка и этнических меньшинств, отмена закона о языковой политике, принятие закона о «коренных народах», исключающего русских, отказ от выполнения Минских соглашений, одобренных СБ ООН, и применение силы против собственных граждан привели к сецессии Крыма и вооруженному конфликту на Донбассе, что подтверждает тезис о том, что отсутствие механизмов самоуправления в многосоставных государствах выступает катализатором дезинтеграции.

Современная доктрина вводит понятие «сложного разделения власти» — институциональной структуры, не сводимой к автономии или традиционной модели разделения власти, включающей дополнительные механизмы учета этнического разнообразия, множественные уровни управления, асимметричные структуры и функции. Практика Боснии и Герцеговины, Бельгии, Минданао, Гагаузии и Южного Судана демонстрирует, что эффективные режимы самоуправления опираются на более чем два уровня власти и используют новаторские способы объединения горизонтального и вертикального разделения власти, при этом территориальное самоуправление само по себе недостаточно и требует дополнительных механизмов для учета конкурирующих требований сторон. Ни одна из теорий урегулирования конфликтов не является универсальной, однако умеренный консоционализм с акцентом на укрепление судебной системы, контроль за правопорядком, участие меньшинств в управлении и совершенствование избирательной системы представляет наиболее адаптивную модель для многосоставных государств.

В четвертом параграфе второй главы «**Режимы *de facto* в международном праве: проблема легитимности и эффективности»** установлено, что

государственность de facto представляет собой устойчивый разрыв между эмпирической эффективностью (фактический контроль над территорией, функционирующие институты, внутренняя легитимация) и юридической нелегитимностью (отсутствие широкого международного признания). Долговечность таких образований, как Приднестровье или Тайвань, демонстрирует, что этот разрыв не является временной аномалией, а стал системной характеристикой современной международной системы, обнажая ограниченность традиционной бинарной логики «признан/не признан».

Несмотря на формальное непризнание, de facto государства обладают ограниченной международной правосубъектностью, возникающей на основе эффективного контроля над территорией и населением, что подтверждается практикой международных судов (МТБЮ, дело «Челебичи»), признающих властные полномочия, проистекающие из фактического, а не только формального, управления. Эта правосубъектность проявляется в способности заключать отдельные договоры, участвовать в переговорах и нести ответственность за соблюдение норм международного гуманитарного права. Вместе с тем она носит гибридный и ограниченный характер, поскольку отсутствие признания лишает такие образования доступа к международным институтам и полноценному участию в международных отношениях.

Существование de facto государств обнажает глубинную коллизию между фундаментальными принципами международного права — правом народов на самоопределение и территориальной целостностью. Международное сообщество не выработало универсального подхода к разрешению этого противоречия, и решения часто принимаются на основе политической целесообразности, а не строго правовых критериев. При этом принцип территориальной целостности сохраняет приоритет, а Декларация 1970 г. исключает сецессию в одностороннем порядке, если государство соблюдает принцип равноправия и самоопределения. Право на самооборону, закреплённое в ст. 51 Устава ООН, принадлежит только государствам-членам, что создаёт правовой вакуум для de facto режимов, хотя фактически они могут применять силу, а международные суды допускают распространение запрета на применение силы на такие образования.

Предложенная авторская типология на основе критериев институциональной автономии и внешней зависимости («суверенные протектораты», «функциональные анклавы», «международные мандаты», «кондоминиумы несостоятельности») позволяет преодолеть бинарность, дифференцировать подходы и прогнозировать траектории развития.

Пятый параграф второй главы исследует феномен «непризнанных» и «несостоявшихся» государств. Непризнанные государства — это образования, обладающие всеми формальными признаками государственности (постоянное население, определённая территория, эффективное правительство), но блокированные на уровне четвёртого критерия Конвенции Монтевидео — способности вступать в официальные международные отношения. Их существование обнажает глубинную коллизию между принципом территориальной целостности и правом народов на самоопределение, порождая феномен «дуалистического международно-правового статуса»: функционируя de facto, они

вынуждены существовать в условиях разрыва между формальными и фактическими возможностями, их акты гражданского состояния и судебные решения могут признаваться государствами ad hoc на уровне частноправовых отношений исходя из принципа гуманизма.

Дискуссия между декларативной и конститутивной теориями признания остаётся центральной в доктрине. Декларативная теория, доминировавшая в советской науке, исходит из того, что государство существует объективно при наличии фактических критериев независимо от признания. Конститутивная теория, напротив, рассматривает признание как правообразующий акт, без которого международная правосубъектность не возникает. Критический подход (М.Коскенниеми) вскрывает политическую природу признания, демонстрируя, что юридические критерии государственности служат риторическими инструментами легитимации заранее принятых политических решений, а практика признания исторически использовалась для создания иерархий и исключения «нецивилизованных» народов. В современной доктрине предлагаются пути преодоления этого противоречия: разработка более чётких объективных критериев, формализация процедуры признания, признание внутреннего самоопределения универсальной нормой, а сецессии — исключительной мерой, допустимой лишь при грубых нарушениях прав человека.

Практика государств демонстрирует непоследовательность: Комиссия Бадинтера, закрепив декларативный подход, одновременно сформулировала политические критерии признания для республик бывшей Югославии, включая уважение прав меньшинств и демократических принципов. Примеры Эритреи, Южного Судана, Саарланда показывают, что непризнанные государства могут обрести полную правосубъектность, тогда как Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, ТРСК десятилетиями существуют в «серой зоне», получая признание лишь от ограниченного круга государств. Резолюции СБ ООН (по Кипру, Южной Родезии) подтверждают, что международное сообщество использует институт непризнания как инструмент противодействия сецессиям, признаваемым нелегитимными.

«Несостоявшиеся государства» (failed states) представляют собой иную ситуацию — распад институтов суверенной власти на территории уже признанного государства-члена ООН, ведущий к утрате монополии на насилие, экономическому коллапсу и массовым нарушениям прав человека. В отличие от непризнанных государств, борющихся за обретение правосубъектности извне, несостоявшиеся утрачивают её фактически изнутри. Их ключевой критерий — отсутствие эффективного правительства, способного контролировать территорию и население, что создаёт угрозы региональной безопасности, способствует распространению терроризма, незаконному обороту оружия и гуманитарным катастрофам (примеры Сомали, Судана, ДРК, Либерии). При этом временное прекращение эффективности правительства (гражданская война, оккупация) не прекращает существования государства как субъекта международного права, что подтверждается практикой ООН (принятие Конго в 1960 году в условиях отсутствия единого правительства).

Таким образом дальнейшее развитие доктрины должно быть направлено на формализацию процедур признания, разработку объективных критериев,

разграничение внутреннего и внешнего самоопределения, а также на поиск механизмов стабилизации и восстановления несостоявшихся государств, не сводящихся к внешнему вмешательству, а ориентированных на институциональное восстановление при уважении суверенитета и прав населения.

Третья глава «Факторы и критерии легитимности сецессии как формы самоопределения» раскрывает понятие и критерии легитимности сецессии, обосновывает соотношение концепций «ответственности защищать» (Responsibility to Protect) и «ремедиальной сецессии» как оснований её реализации, а также анализирует роль и значение формулы uti possidetis juris, включая позицию Арбитражной комиссии по Югославии («Комиссия Бадинтера») и практику Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о применимости данного принципа к бывшим республикам СССР.

Первый параграф третьей главы ***«Понятие и критерии легитимности сецессии».*** Сецессия представляет собой наиболее радикальную форму реализации права народов на самоопределение — отделение части территории от существующего государства с созданием нового суверенного образования или присоединение к другому государству. В современном международном праве отсутствует единый подход к определению условий правомерности сецессии, что позволяет рассматривать её как преимущественно политический, а не строго юридический феномен, что подтверждается практикой государств и доктринальными дискуссиями.

Доктрина выделяет два типа сецессии: консенсуальную (конституционную или договорную) и одностороннюю. Правовым обоснованием последней выступает концепция «ремедиальной (восстановительной) сецессии», выводимая из Декларации о принципах международного права 1970 г.: систематическое нарушение государством внутреннего самоопределения (дискриминация, исключение из политического процесса) лишает его права апеллировать к территориальной целостности, создавая у народа правомерное основание для одностороннего выхода. При этом сецессия не тождественна сепаратизму в целом, являясь одной из его крайних форм; ирредентизм и энозис выступают частными случаями, предполагающими присоединение к другому государству.

Критерии легитимной сецессии в доктрине включают: компактное проживание этноса на исторической территории, наличие общей границы с третьими государствами, всеобщая воля населения, выраженная на референдуме, исчерпание средств внутреннего самоопределения, систематические и грубые нарушения прав человека. Референдум признаётся ключевым институтом выявления воли народа, однако его демократический потенциал полностью раскрывается лишь при соблюдении международных стандартов (Кодекс Венецианской комиссии) и сочетании с другими институтами демократии. Международная практика (Канада — Квебек, Великобритания — Шотландия, Испания — Каталония) демонстрирует, что успешность сецессии зависит не только от экономической самодостаточности и географического положения, но и от международного признания, позиции региональных организаций и внутриполитического консенсуса.

Таким образом, сецессия не является запрещённой, но и не поощряемой международным правом мерой — она допустима лишь как исключительная, крайняя форма реализации самоопределения при исчерпании всех внутригосударственных средств и наличии весомых правовых оснований. Отсутствие единых международно-правовых критериев создаёт правовую неопределённость, ведущую к консервации конфликтов и появлению феноменов непризнанных государств, что требует разработки международного регламента, учитывающего комплекс факторов: исторические обстоятельства, дискриминацию, справедливость распределения ресурсов, политическую целесообразность и добросовестность центральных властей. В любом случае вооружённые и террористические методы достижения сецессии должны решительно отвергаться как противоречащие основным принципам международного права.

Второй параграф третьей главы посвящен соотношению концепции «ответственности защищать» (R2P) и ремедиальной сецессии, которые представляют собой попытку разрешить фундаментальное противоречие современного международного права между принципом государственного суверенитета и защитой прав человека. Обе исходят из презумпции, что суверенитет не является абсолютным и может быть ограничен в исключительных случаях: когда государство неспособно защитить население от массовых преследований (R2P) либо само становится источником систематических репрессий против определённой группы, делая невозможным её существование в рамках существующей государственности (ремедиальная сецессия). R2P, формально одобренная Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 году, зиждется на трёх основах: ответственность государства, обязанность международного сообщества оказывать помощь и решительное реагирование через Совет Безопасности. Ремедиальная сецессия, в свою очередь, предполагает возникновение у группы права на отделение при соблюдении пяти условий: принадлежность к «народу», систематическое угнетение, исчерпание внутренних форм самоопределения, свободное волеизъявление и уважение прав иных меньшинств.

Несмотря на нормативную привлекательность, обе концепции страдают от фундаментальной неопределённости ключевых понятий и критериев применения. Ремедиальная сецессия остаётся доктриной, не имеющей чёткого признания в позитивном международном праве, что подтверждается расхождением особых мнений судей Международного Суда по делу Косово. Анализ практики государств демонстрирует глубокую избирательность и политическую мотивированность применения обеих доктрин: Косово признано по логике ремедиальной сецессии, тогда как Нагорный Карабах, несмотря на этнические чистки 2023 года, не получил аналогичной реакции; Ливия стала примером трансформации мандата R2P в кампанию по смене режима, что дискредитировало доктрину и привело к параличу Совета Безопасности в отношении Сирии и Газы. Эта избирательность подрывает нормативную силу концепций, превращая их из универсальных принципов в инструмент геополитического манипулирования.

Обе концепции сталкиваются с проблемой институционального механизма реализации: R2P полностью зависит от Совета Безопасности ООН, где право вето делает применение доктрины заложником геополитических интересов, а

ремедиальная сецессия вообще не имеет институционализированного механизма признания. Мощные государства и их союзники оказываются фактически недосягаемыми для механизмов R2P (Израиль в Газе), а их внутренние сецессионные движения (Каталония, Шотландия) не получают поддержки по доктрине ремедиальной сецессии, что подтверждает асимметричный характер международного права. Вместе с тем обе концепции сохраняют нормативный потенциал, фиксируя важнейший сдвиг в международно-правовом сознании: суверенитет более не рассматривается как лицензия на безнаказанность, а массовые зверства не могут прикрываться суверенитетом. Дальнейшая эволюция доктрин связана с их институционализацией, выработкой чётких критериев и созданием механизмов, минимизирующих политическую избирательность, что подтверждает тезис о динамичном характере международного права, где содержание норм формируется через конкретные кризисы и конфликты, а поиск баланса между суверенитетом и человеческим достоинством остаётся центральной задачей.

Третий параграф третьей главы исследует феномен uti possidetis juris. Принцип uti possidetis juris, зародившийся в римском частном праве как институт давности владения, эволюционировал в общий принцип международного права, играющий ключевую роль в процессах государствообразования и реализации сецессии. Его сущность заключается в трансформации прежних административных границ колониальных владений или федеративных единиц в международные границы вновь возникших независимых государств. Первоначально применявшийся в Латинской Америке для урегулирования споров между государствами-правопреемниками Испанской империи, принцип получил дальнейшее развитие на африканском континенте, где был закреплён в Каирской декларации ОАЕ (1964 г.) и признан Международным Судом ООН в качестве общей концепции международного обычного права (дело Буркина-Фасо против Мали). Суд подчеркнул, что принцип не только отражает волю африканских государств сохранить унаследованные границы, но и служит фундаментальным инструментом предотвращения конфликтов и обеспечения стабильности.

Особую значимость принцип uti possidetis juris приобрёл в контексте распада сложносоставных государств — СССР, СФРЮ и ЧССР. Арбитражная комиссия Бадинтера применила его к югославскому случаю, постановив, что в отсутствие соглашения между республиками об изменении внутренних границ, прежние административные рубежи становятся границами, охраняемыми международным правом. При этом Комиссия особо подчеркнула, что силовое изменение существующих границ не влечёт никаких правовых последствий. Применение uti possidetis в постюгославском контексте впервые вывело принцип за рамки сугубо деколонизационных процессов, распространив его на случаи распада федеративных государств, что было поддержано практикой государств и международных организаций. Достигнутый в рамках ООН консенсус относительно установления границ бывших союзных республик не по этническому принципу, а согласно формуле uti possidetis juris, подтвердил его универсальный характер.

Вместе с тем принцип uti possidetis juris носит амбивалентный характер и порождает фундаментальное противоречие с правом народов на самоопределение. Его формалистский подход, абсолютизирующий исторически сложившиеся

административные рубежи, вступает в конфликт с этнической реальностью, особенно в случаях, когда границы не совпадают с ареалами расселения этнических групп. Как показывает практика, в том числе постъюгославский опыт, жёсткое следование принципу без учёта этнической структуры и без механизмов защиты прав меньшинств может не предотвратить, а, напротив, легитимизировать и усугубить внутренние конфликты, способствуя эскалации напряжённости и становясь катализатором вооружённых столкновений. Критики принципа (С.Лалонде, В.Л.Толстых и др.) указывают на его недостаточное доктринальное обоснование, политическую ангажированность в конкретных применениях (как в случае с Комиссией Бадинтера) и неспособность обеспечить стабильность в полиэтничных регионах без дополнительных гарантий.

Таким образом, uti possidetis juris является не универсальным и безупречным решением, а компромиссным правовым механизмом, который, жертвуя во имя стабильности идеальным соответствием границ этническому принципу, создаёт правовую основу для мирного государствообразования и предотвращает хаотичный передел территорий, чреватый вооружёнными конфликтами. Его эффективность напрямую зависит от способности международного сообщества и самих новых государств дополнять его действие эффективными механизмами защиты прав меньшинств, политикой интеграции и урегулирования спорных вопросов путём переговоров. Игнорирование принципа может привести к иностранному вмешательству и обострению конфликтов, в то время как его абсолютизация без учёта этнического фактора и без создания гарантий для меньшинств способна легитимизировать несправедливость и стать источником новых противоречий. В этом смысле uti possidetis juris остаётся инструментом, ценность которого определяется контекстом его применения и сопутствующими политико-правовыми механизмами, направленными на поиск баланса между территориальной целостностью и правом народов на самоопределение.

Четвёртая глава ***«Особые теоретико-прикладные проблемы реализации права на самоопределение»*** посвящена соотношению права на самоопределение с правом на самооборону и разграничению правовых режимов ст. 51 Устава ООН и права народа на вооружённое сопротивление в условиях оккупации; лингвистическому фактору в процессах национальной самоидентификации; экономическим аспектам самоопределения, включая суверенитет над природными ресурсами и репаративное самоопределение коренных народов; а также анализу консультативных заключений и решений международных и национальных судебных учреждений по вопросам самоопределения — четырнадцати дел Международного Суда ООН, Суда Европейского Союза, международных арбитражей и верховных судов ряда государств, — позволившему реконструировать устойчивые правовые позиции по вопросам субъектного состава, условий реализации сецессии и роли третьих государств.

Первый параграф четвертой главы - ***«Реализация права на самоопределение в контексте права на самооборону».*** Соотношение права на самоопределение и права на самооборону представляет собой одну из наиболее концептуально напряжённых коллизий современного международного права.

Фундаментальная асимметрия заключается в том, что государства обладают чётко закреплённым в ст. 51 Устава ООН правом на самооборону, тогда как правовой статус применения силы субъектами самоопределения остаётся неопределённым. Декларации о законности национально-освободительной борьбы не создают полноценного режима, аналогичного государственной самообороне, что порождает правовой вакуум и риск злоупотреблений.

Палестино-израильский конфликт выступает наиболее показательным примером коллизии двух правовых институтов. Консультативные заключения Международного Суда 2004 и 2024 гг. установили, что оккупирующая держава не может ссылаться на право на самооборону на территории, которую она сама оккупирует, поскольку право на самооборону по ст. 51 Устава ООН действует против другого государства, а не против территории под собственной оккупацией. Суд признал строительство разделительной стены и меры безопасности непропорциональными, нарушающими право палестинского народа на самоопределение. При этом международное право признаёт законность борьбы народов за освобождение от иностранной оккупации и колониального господства «всеми доступными средствами», однако это право не отменяет обязательств соблюдать нормы международного гуманитарного права, включая защиту гражданского населения.

Современная доктрина движется к более тонкому различению аспектов применения силы: (а) применение силы государством для подавления права на самоопределение (запрещено); (б) применение силы субъектом самоопределения (спорный статус); (в) применение силы государством под предлогом самообороны против негосударственных акторов (требует строгой проверки на необходимость и пропорциональность). Критерии необходимости (неминуемая угроза) и соразмерности остаются обязательными для квалификации любых действий как законной самообороны. Поиск баланса между самообороной и самоопределением требует не создания новых правил, а последовательной имплементации существующих норм, включая прекращение незаконной оккупации и уважение права народов на самоопределение, что является единственной основой для подлинной и долгосрочной безопасности. Международное сообщество сталкивается с необходимостью выработки более чётких критериев, позволяющих отличать легитимное применение силы от злоупотреблений правом на самооборону, подрывающих фундаментальный запрет на применение силы, закреплённый в ст. 2(4) Устава ООН.

Второй параграф четвертой главы: ***«Лингвистический фактор в процессах национальной самоидентификации и самоопределения».***

Лингвистический фактор занимает центральное место в процессах национальной самоидентификации и самоопределения, поскольку язык является не только средством коммуникации, но и фундаментальным маркером коллективной идентичности, вокруг которого мобилизуются политические требования. Современная доктрина (Т.Аренд) рассматривает народ как «сконструированную идентичность», где язык играет ключевую конституирующую роль наряду с культурой, историей и этничностью. При этом международное право проводит чёткое различие: для целей внешнего самоопределения в контексте деколонизации

решающее значение имел территориальный, а не лингвистический или этнический принцип, что закреплено в принципе uti possidetis juris, даже если границы произвольно разделяли этноязыковые группы.

Доктринальное исследование И.Буттье (2025) предлагает радикальный пересмотр статуса языковых прав, констатируя их периферийное положение в международном праве, где они выводятся из других свобод (недискриминация, свобода выражения, право на частную жизнь), что низводит их до «функциональных аксессуаров сосуществования». Автор настаивает на признании права говорить на родном языке как фундаментального права человека — права на существование, память и достоинство, требуя реинтеграции языка в центральную архитектуру прав человека в качестве самостоятельного нормативного столпа. Международное право, однако, сохраняет различие между правами языковых меньшинств (ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах) и правом народов на самоопределение (ст. 1). Как подчёркивает П.Торнберри, формулировка ст. 27 («не может быть отказано в праве») является примером «ограничительной терпимости к меньшинствам» и контрастирует с более сильной формулой права народов на самоопределение.

Международные акты (Европейская хартия региональных языков, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств) и судебная практика ЕСПЧ (дела Mestan v. Bulgaria, Catan v. Moldova, Boriss Cilevičs v. Latvia) конкретизируют абстрактные нормы, подтверждая, что в международном праве отсутствует самостоятельное абсолютное «право на язык» — защита языковых прав всегда производна от других прав и зависит от контекста. Суды последовательно проводят различие между публичной сферой (где государство обладает широкой свободой усмотрения) и частной сферой (где вмешательство должно быть минимальным), признавая при этом, что языковая политика связана с национальной идентичностью, но эта свобода сужается, когда речь идёт о фундаментальных принципах демократии или о риске уничтожения языковой идентичности.

Практика государств (Канада, Испания, Турция, Индия, Финляндия) демонстрирует разнообразие подходов к языковому регулированию — от официального двуязычия и «лингвистического федерализма» до запретов на использование языков меньшинств. Канадский опыт показывает, что официальное признание двуязычия само по себе неспособно уберечь страну от сепаратистских устремлений (Квебек), хотя и служит социальным амортизатором; при этом Верховный Суд Канады признал одностороннюю сецессию противозаконной, подтвердив, что суть федерализма состоит в балансе между центром и регионами. Таким образом, лингвистический фактор играет важнейшую роль в процессах самоидентификации и может служить основанием для требований автономии и защиты культурных прав, но для легитимации сецессии требуется доказательство систематического и неразрешимого в рамках государства угнетения, а приоритетным направлением остаётся защита языковых прав через механизмы внутреннего самоопределения — территориальной и национально-культурной автономии.

Третий параграф четвертой главы: ***«Экономические аспекты самоопределения в современном международном праве».*** Экономическое измерение права народов на самоопределение, долгое время остававшееся на периферии доктрины, в современных условиях приобрело самостоятельное нормативное значение, выйдя за рамки политической деколонизации. Традиционное восприятие самоопределения как исключительно политического права на создание государства уступило место пониманию его неразрывной связи с правом на развитие и постоянным суверенитетом над природными ресурсами (Шим Ён-Гю, Е.Тырановский). Фундаментальный вывод современной доктрины заключается в том, что политическая независимость без экономической самостоятельности — права свободно распоряжаться ресурсами, определять модель развития, противостоять внешнему диктату — остаётся декларативной, а экономическая зависимость напрямую влияет на фактическую способность народа осуществлять суверенные права.

Нормативная база экономического самоопределения закреплена в п. 2 общей ст. 1 Международных пактов 1966 г., провозглашающей право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами, в Декларации о праве на развитие (1986) и принципе неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами (Резолюция 1803 (XVII) 1962 г.), который в доктрине квалифицируется как обычная норма международного права. Эти положения были развиты в концепции Нового международного экономического порядка 1970-х годов, отразившей стремление развивающихся стран к экономической независимости наравне с политической.

В доктрине и практике сформировалась концепция «репаративного самоопределения» (М.Джонсон, А.Баруме), связанная с принятием Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. Её специфика заключается в отказе от сецессии как цели: право на самоопределение реализуется через автономию, особые коллективные права на земли и культуру и механизм свободного, предварительного и осознанного согласия (FPIC), будучи направленным на восстановление исторической справедливости в рамках существующих государств. Однако репаративная модель обладает существенными недостатками: предоставление особых прав коренным народам на территориях, где исторически проживают поколения «пришлого» населения, создаёт новую потенциальную несправедливость; отсутствие чётких критериев идентификации «коренного народа» делает концепцию уязвимой для политических манипуляций; будучи «нереволюционным» механизмом, не угрожающим территориальной целостности, репаративное самоопределение не создаёт действенных механизмов принуждения государств, а принцип FPIC часто используется для легитимации уже принятых решений, превращая концепцию в инструмент управления ожиданиями.

Ключевая коллизия современного этапа выявлена в решении Суда ЕС по делу «Фронт Полисарио II» (октябрь 2024 г.) о Западной Сахаре. Суд установил, что народ, обладающий правом на самоопределение (включая диаспору), является самостоятельным субъектом, чьё согласие необходимо для заключения экономических соглашений, и таковые не могут быть ему навязаны государствами (принцип pacta tertiis). При этом Суд допустил, что согласие может быть не только

явным, но и подразумеваемым — через получение народом «конкретной, ощутимой, существенной и поддающейся проверке выгоды» от эксплуатации ресурсов. Данный подход вызывает обоснованную критику: критерий «выгоды» создаёт риск подмены понятий, когда экономические блага (инфраструктура, роялти) в условиях оккупации или зависимости используются как суррогат политического согласия, что фактически смещает фокус с вопроса о праве на суверенитет на вопрос об условиях его нарушения и невольно легитимирует саму эксплуатацию. Кроме того, такой подход навязывает народу капиталистическую модель развития как единственно возможную, не учитывая альтернативные модели.

С позиций школы «Третий мир и международное право» (TWAIL) убедительно доказывается, что после деколонизации принцип экономического самоопределения был целенаправленно «размыт» механизмами международного инвестиционного права и договорами о защите иностранных инвестиций, которые часто вступают в противоречие с правом народов на самоопределение. Бывшие колонии оказываются в заведомо невыгодном положении в международных арбитражах, где доминируют нормы, защищающие права инвесторов, что консервирует неоколониальные модели зависимости. Таким образом, экономическое самоопределение остаётся полем жесткой международно-правовой конфронтации, где сталкиваются императивные нормы (jus cogens) и реалии глобального рынка, а его эффективная реализация требует не только признания прав народов на ресурсы, но и пересмотра асимметричных механизмов международного экономического правопорядка, обеспечивающих доминирование транснационального капитала и интересов развитых государств.

Четвертый параграф четвертой главы - ***«Формирование правовых позиций и доктрины международных и национальных судебных учреждений в части права на самоопределение».***

Систематический анализ тринадцати судебных дел — от Верховного суда США по Техасу (1869) до консультативных заключений Международного Суда по Палестине (2004, 2024) и решений Суда ЕС по Западной Сахаре (2016, 2024) — позволяет реконструировать устойчивую сеть нормативных координат, в рамках которых суды оценивают требования самоопределения. В рамках деколонизационной парадигмы (Намибия, Западная Сахара, Чагос) сформировано нормативное ядро: право на самоопределение утвердилось как императивная норма (jus cogens) и обязательство erga omnes; субъект права определяется не этнической общностью, а границами колониального владения на момент деколонизации (uti possidetis); отделение части территории без волеизъявления населения ничтожно ab initio; исторические связи не могут преодолеть волю народа, свободно выраженную на референдуме. Дело Чагос (2019) дополнительно установило, что деколонизация не завершена, пока перемещённое население лишено права на возвращение, а соглашение 2025 года между Маврикием и Великобританией, закрепляющее запрет на репатриацию на Диего-Гарсию, квалифицируется Комитетом ООН по ликвидации расовой дискриминации как расовая дискриминация, несовместимая с международными обязательствами.

В условиях иностранной оккупации суды распространили на эту категорию правовой режим, ранее применявшийся к колониям. Палестинские заключения

2004 и 2024 годов демонстрируют эволюцию: от признания самоопределения обязательством erga omnes и квалификации стены как препятствия его осуществлению до прямого постановления о том, что продолжительная оккупация, соединённая с аннексией, поселенческой деятельностью и систематической дискриминацией (квалифицированной как апартеид), трансформирует правовой статус самой оккупации, делая присутствие оккупирующей державы противоправным per se. Суд 2024 года впервые прямо квалифицировал право на самоопределение в условиях иностранной оккупации как jus cogens и установил, что ссылка на самооборону на оккупированной территории несостоятельна, поскольку право на самооборону по ст. 51 Устава ООН действует против другого государства, а не против территории под собственной оккупацией.

Доктрина remedial secession (сецессии как средства защиты) признаётся судами как гипотетическая возможность, но её практическое применение сопряжено с жесткими условиями. Международный Суд в деле Косово (2010) сознательно уклонился от квалификации доктрины, ограничившись констатацией отсутствия запрета на декларации независимости. Национальные суды Канады (дело Квебека, 1998) и Великобритании (дело Шотландии, 2022) восприняли трёхчастную классификацию, признавая возможность внешнего самоопределения лишь в трёх исключительных ситуациях: колониализм, иностранная оккупация, систематический отказ в доступе к управлению. В условиях демократической федерации, обеспечивающей внутреннее самоопределение (автономия, участие в управлении, защита прав), право на одностороннюю сецессию отсутствует. Верховный суд Великобритании прямо применил эту доктрину к Шотландии, постановив, что принцип самоопределения «просто не задействован», и признав законопроект о референдуме относящимся к зарезервированным вопросам, что подтверждает: даже консультативный референдум, проведённый без согласия центра, является политическим событием с политическими последствиями и потому не может быть инициирован в одностороннем порядке. Единственный случай успешной реализации remedial secession (Южный Судан) был оформлен как консенсуальная, договорная сецессия на основании мирного соглашения с центральным правительством.

В договорном праве принцип самоопределения действует непосредственно. Суд ЕС в решениях Front Polisario I и II (2016, 2024) создал прецедентный механизм: народ несамоуправляющейся территории признаётся третьей стороной по смыслу pacta tertiis, чьё согласие необходимо для распространения международных договоров. Суд разработал двухступенчатый тест «подразумеваемого согласия»: договор должен предоставлять народу права, а не возлагать обязательства, и обеспечивать «конкретную, осязаемую, существенную и проверяемую выгоду», пропорциональную масштабам эксплуатации ресурсов. Данный подход, однако, содержит риск подмены понятий: получение экономических благ в условиях оккупации не может считаться эквивалентом свободного волеизъявления. Европейский суд по правам человека (дело Costa i Rosselló v. Spain, 2025) подтвердил, что защита конституционного порядка от неконституционных сецессионистских инициатив является законной целью, а меры конституционных судов, направленные на пресечение таких инициатив (включая запреты на

обработку парламентских предложений и уголовное преследование), признаются пропорциональными и не нарушающими права парламентариев, если они не препятствуют политической дискуссии как таковой.

Национальные суды, разрешая сецессионистские конфликты, демонстрируют различные подходы. Американская модель (Texas v. White, 1869) утверждает нерасторжимость федеративного Союза («indestructible Union, composed of indestructible States») и допускает сецессию лишь через революцию или консенсус всех штатов; акты мятежного правительства, направленные на поддержку восстания, признаются ничтожными, тогда как акты, необходимые для гражданского порядка, сохраняют силу. Российская модель (решения Конституционного Суда РФ 2014 и 2022 годов) применяет доктрину remedial secession в её позитивной формулировке, признавая, что в исключительных обстоятельствах — при угрозе физическому существованию народа, массовых нарушениях прав человека, невозможности реализации самоопределения в составе прежнего государства — народ вправе отделиться и воссоединиться с другим государством. В отличие от МС ООН по Косово, российский Суд не ограничивается констатацией отсутствия запрета на декларацию, а квалифицирует референдумы как законную форму реализации самоопределения. При этом Суд не проводит развёрнутого анализа «сохранительной клаузулы» Декларации 1970 года, констатация исключительных обстоятельств принимается как достаточное основание для преодоления принципа территориальной целостности.

Таким образом, судебная практика не создала универсальной формулы сецессии, но сформировала сеть нормативных координат, в рамках которых любое требование самоопределения подлежит оценке по критериям: колониальный статус или иностранная оккупация; наличие и эффективность внутреннего самоопределения (автономия, участие в управлении, защита прав); исключительность обстоятельств (систематические нарушения, угроза существованию); соблюдение процедурных требований (референдум, согласие, переговоры). Эти координаты позволяют квалифицировать конкретную ситуацию и определить, подпадает ли она под действие внешнего самоопределения или же исчерпывается внутренним, оставляя пространство для дальнейшей эволюции доктрины через конкретные кризисы и судебные прецеденты.

Заключение диссертации резюмирует итоги исследования и фиксирует основные выводы, идентичные по своему содержанию положениям, выдвигаемым автором на защиту.

В приложении к диссертации представлен разработанный автором проект Декларации Генеральной Ассамблеи ООН «О праве народов и наций на самоопределение и формах его реализации», систематизирующий выводы исследования в форме рекомендательного международно-правового документа.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Каграманов А.К. Между Сциллой и Харибдой. Единство и борьба противоположностей принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств. Международная жизнь. 2022/1. С. 94-107. https://interaffairs.ru/jauthor/material/2606/ (К-2);

2. Каграманов А.К. Этнорегиональная самостоятельность и автономия как способы осуществления права на самоопределение. Lex russica (Русский закон). 2022. Т.1 №2. С.9-23. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.009-023 (К-1);

3. Каграманов А.К. Критерии легитимности сецессии в реализации права на самоопределение. Евразийский юридический журнал. Т.1 №6 (157). 2021. С. 29-33. DOI 10.46320/2073-4506-2021-6-157-29-33б, (К-2);

4. Каграманов А.К. Место формулы «uti possidetis juris» в решении задач самоопределения. Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. Т.5. №23(7). http://inter-legal.ru/mesto-formuly-uti-possidetis-juris-v-reshenii-zadach-samoopredeleniya, (К-3);

5. Каграманов А.К. Происхождение, становление и развитие идеи самоопределения народов. Международное право и международные организации / Международное право и международные организации. – 2021. – № 1. – С. 60 - 73. DOI: 10.7256/2454-0633.2021.1.35087 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35087, (К-2);

6. Каграманов А.К. Принцип равноправия и самоопределения народов в системе основных принципов международного права. Международное право. 2021. Т.1. № 1. – С. 39 - 53. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.1.35071 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35071 (К-2);

7. К проекту Декларации о праве народов на самоопределение и формах его реализации. Московский журнал международного права. 2022. Т.1. № 2. С. 101-114. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-101-114, (К-1);

8. Каграманов А.К. Влияние языкового многообразия на процессы самоопределения и укрепления государственности. Государство и право. 2022. Т.№11. С. 182-186. DOI 10.31857/S102694520015247-2 (К-1, Scopus, Web of Science, Emerging Sources Citation Index);

9. Каграманов А.К. Субъекты права на самоопределение в современном международном праве. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. №1. С.173-193. https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.111 (К-1, Scopus, Web of Sciense, Emerging Sources Citation Index);

10. Каграманов А.К. Право на самоопределение народов и формирующийся миропорядок. Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18№ 4(149). С. 154-163. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163, (К-1);

11. Каграманов А.К. Единство и борьба противоположностей концепций о праве наций на самоопределение В. И. Ленина и В. Вильсона. Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6 (163). С. 167-176. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.163.6.167-176, (К-1);

12. Каграманов А.К. Формы и методы регулирования режимов самоуправления в многосоставных государствах при реализации права на самоопределение. Lex russica. 2025. Т.78 №9 С.108-118. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.226.9.108-118, (К-1);

13. Каграманов А.К. «Ответственность защищать и ремедиальная сецессия» как основания для реализации сецессии. «Международный правовой курьер». Электронное сетевое издание. Т.6. № 41. 2026 г. https://inter-legal.ru/otvetstvennost-zashhishhat-i-remedialnaya-setsessiya-kak-osnovaniya-realizatsii-setsessii (К-3);

14. Каграманов А.К. Правовые основы использования арктических энергетических ресурсов. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. Т.1 №1. С.92-101. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.125.1.092-101, (К-1);

15. Каграманов А.К. Между «Каролиной» и «Палестиной»: поиск баланса между правом на самооборону и правом на самоопределение. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. Т.1 №12. С. 64-74. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.136.12.064-074, (К-1);

16. Каграманов А.К. Экономические аспекты самоопределения в современном международном праве. «Международный правовой курьер». Электронное сетевое издание. Т.3. № 38. 2026. https://inter-legal.ru/ekonomicheskie-aspekty-samoopredeleniya-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave#_ftn4, (К-3).

Иные публикации по теме диссертации:

1. Kagramanov A.K. Eduard L. Kuzmin “The Art of the Possible. Reflections on Diplomacy and Diplomats”. Moscow: Avenue Publ.; Kutafin Law Review. 2021. Т.8. № 2 (16). С. 331-338, рецензия на монографию, (К-1, Scopus);

2. Kagramanov A. Towards a Draft Declaration on the Right of Peoples to Self-determination and Forms of Its Realization. Russian Journal of World Politics and Law of Nations. Т.1, №3. С.122–137. DOI: 10.24833/RJWPLN-2022-3-122-137. (перевод избранных статей на иностранный язык в англоязычной версии научного журнала «Московский журнал международного права», см. №7 настоящего перечня);

3. Каграманов А. К. Самоопределение народов и наций в современном международном праве. Монография / Каграманов А.К.; МГЮА им. О.Е. Кутафина. - Москва: Проспект, 2025. - 320 с. - ISBN 978-5-392-42222-7.